Больше, чем страсть

Автор:
Татьяна Алюшина

Больше, чем страсть

Татьяна Александровна Алюшина

Много лет назад еще юная тогда Наденька безнадежно влюбилась в собственного начальника, закоренелого холостяка и ловеласа Даниила Казарина. Закончилась эта история совершенно банально – сердце девушки оказалось разбито. И вот теперь жизнь, словно в шутку, вновь свела этих двоих. Но оба уже не те, что прежде. Даниил пережил тяжелые испытания, заглянув за грань жизни и смерти, а Надя приобрела светский лоск и, похоже, превратилась в равнодушную бизнес-леди.

Татьяна Алюшина

Больше, чем страсть

© Алюшина Т., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Весна – это всегда надежда. Всегда.

И ожидание чего-то замечательного, которое обязательно вот-вот настанет, исполнится – грядет! В весне гораздо больше надежды и ожидания, чем в новогоднем празднике и в таком долгожданном и бесшабашном мгновенно пролетающем лете.

Ожидание лучшего скрыто в нас на глубинном генетическом уровне, в крови, в подсознании и сознании, передаваясь веками от предков, – радость, что дожили: ну вот, слава те, господи, зиму перевалили – отстояли-прошли, теперь уж чего и не радоваться, жить будем. Инстинкт такой приобретенный, особенно у северных народов. А мы народ северный, как ни посмотри. Стоит только выйти солнышку уже не по-зимнему, скромненько на часик-другой да урывками сквозь тучи тяжелые, и не по-морозному ледяно на серебряном небосводе, а разлечься в небе во всю ширь лазурную, раскинуться хозяйски да припечь – так сразу что-то меняется в человеческой душе. Цветком смелым пробиваются через зимнюю наморозь усталости и бесконечной серости будней радость какая-то особая да надежда светлая. Не зря у нас самые ухарские, веселые и хлебосольные именно весенние праздники – широкая Масленица да светлая Пасха.

Вот так размышляла Надежда, выехав на трассу и опустив козырек лобового стекла от ударившего в глаза весеннего солнышка.

Вздохнула глубоко, порадовалась такому утреннему обнадеживающему теплу, почти жаре, и принялась размышлять о весне. Надя специально выехала пораньше.

Задумала по приезде, до погружения в дела, пройтись по тропинке вдоль берега реки. Открывающиеся с этой дорожки потрясающие панорамные виды по обоим берегам всегда действовали на нее умиротворяюще и вместе с тем неизменно затрагивали что-то внутри первозданной чистой красотой, настраивая на философские размышления о суетности бытия. Как-то вот так. Одним словом, успокаивали ее эти красоты среднерусские.

Краевиды, как говорит один ее знакомый.

Сегодня эта прогулка прямо-таки просилась в планируемую оказию нынешнего делового приезда. Надю с самого пробуждения одолели ни с того ни с сего непонятная тревога и беспокойство беспричинное, как перед бурей или еще чем

стихийным, пугающим. И такое странное настроение одолело – все из рук валится, не ладится. Главное, с чего бы? Совсем непонятно. И Надюшка почти неосознанно, словно поторапливал кто, спешила добраться до пансионата до назначенного времени встречи, надеясь пройтись над рекой и, наконец, уравновесить, утихомирить этот непонятный душевный раздрай.

Вот и выехала на полчаса пораньше и всю дорогу неосознанно подгоняла себя, все прибавляя и прибавляя скорость, спеша добраться и скинуть это странное душевное состояние.

Тропинка та не простая, а, можно сказать, даже уникальная – проложена она была в диком, «протоптанном» виде многочисленными отдыхающими пансионата, облюбована и «усовершенствована» парочками, стремящимися к уединению, в поисках которого они умудрялись забираться на самые отвесные склоны над крутым берегом. Несколько лет назад по велению руководства пансионата тропинку окультурили, выложив красной тротуарной плиткой, огородили те самые рискованные места над кручей коваными заборчиками, поставили скамейки для отдыха с панорамным видом, настраивающим на особую романтику, поддержав таким образом, инициативу, проявленную, так сказать, снизу, от народа.

Дорога заканчивалась у центральных ворот и проходной пансионата большим кругом с двумя остановками, расположившимися друг напротив друга для приезда и отъезда пассажиров. На круге разворачивались автобус, ходивший раз в день, и маршрутка, приезжавшая так же: раз в день. Пансионат-то находился в глухомани, далекой от цивилизации, до ближайшего города тридцать километров. В этом-то и состояла прелесть этого почти дикого места, медвежьего угла – в уединенности и великолепной природе, в которую был гармонично вписан пансионат.

Рядом с правой остановкой расположился небольшой магазинчик из желтого кирпича, выполненный в той же непритязательной стилистике, что и пропускной пункт дома охраны на входе. Сдержанно и со вкусом.

А дальше, за левой остановкой для отъезжающих пассажиров, длинным прямоугольником пристроилась охраняемая бесплатная автостоянка. Народ в пансионат приезжал отдыхать далеко не бедный, и многие предпочитали добираться на своих авто.

Надежда припарковалась на автостоянке, вышла, пиликнула сигнализацией, закрывая машину. Затем кивнула и приветливо улыбнулась охраннику, поспешившему выйти из будки на въезде и поздоровавшемуся с ней, и двинулась к проходной.

Гостем она тут была не частым, к тому же деловым, но давним, Надю знали многие работники, а уж охранники так тем более.

– Доброе утро, Надежда Семеновна. Что-то вы сегодня совсем раненько, – выказывая особое уважение, встретил ее у домика проходной один из них.

– Здравствуйте, Андрей Васильевич, – улыбнулась она в ответ, махнула приветливо рукой оставшемуся в будке напарнику охранника и пояснила: – Да вот решила прогуляться немного, полюбоваться вашими красотами.

– А-а… – понятливо кивнул Андрей Васильевич и одобрил данный порыв: – дело хорошее. Над рекой, по бережку, что не пройтись-то, особо утречком. И для здоровья полезно, и для души не вредно.

Дядька был еще тот! Бывший служака, лет шестидесяти, Надюха подозревала, что из гебистов или каких иных органов «веселых», но «сек» он все четко – памятью обладал отменной, мелочей не пропускал, лица запоминал с первого раза и глаз имел хитрющий, с прищуром.

Ну еще бы! Пансионатик-то не из самых простых и доступных – условно на «пять звезд», облюбован для спокойного отдыха многими известными людьми, частенько очень известными, и охрана территории выстроена по высшему разряду – а не для привычного отсиживания форменных пятых точек за мониторами престижа ради. К тому же хозяин этой красоты – ой-ёй-ёй какой товарищ непростой, у него вообще не забалуешь, тем паче если дело касается его собственности.

Впрочем, не об этом.

Этот Андрей Васильевич имел к Надюхе явный мужской интерес и при каждой встрече старался его выказать хоть намеком на известные ему пристрастия дамы, например, такие как прогулки над рекой, или заведя разговор легкий, или каким иным приятным образом, однажды даже букетик полевых цветов

презентовал с щедрой улыбкой в придачу. Приосанивался всякий раз, как Надежду видел, втягивал животик, расправлял плечи и старался сказать что-нибудь приятное. Ну так – легко, игриво, без пошлости и ожиданий. Хороший дядька. Да и ей приятно. Он все-таки такой мужичок интересный и моложавый.

Она улыбнулась ему еще разок, кивнула в знак согласия с высказыванием и, проходя через ворота на территорию, подумала, вот и настроение приподнялось – что значит внимание мужчины, даже такое – легкое, без намеков, а лишь подчеркивающее ее привлекательность.

Но, подходя к реке, Надя расстроилась.

Сразу так расстроилась! Ну вообще ужасно! Солнышко припекало крепко так, и совсем весна-весна вокруг, и даже лето вроде как ручкой машет… а от реки на берег наползал тяжелый густой туман!

Ну не досада, а?! Ну как вот так?!

Надежда уже настроилась пройтись и утихомирить непонятные душевные трепыхания созерцанием природы, а заодно продышаться хвойно-речным прозрачным и звенящим от чистоты воздухом и, прогулявшись любимым маршрутом вдоль соснового бора над рекой, выйти к административному зданию спокойной, бодрой и с привычной Наде неспешной деловой размеренностью. А тут!

И туман ведь какой-то странный – плотный, молочно-белый, клоками рваными, похожий на комки разбросанной беспорядочно ваты, – поднимался снизу от реки и уже умудрился наползти на высокий берег и закутать почти всю тропку.

«Ну и ладно, – решила Надежда. – Ну, туман, и что теперь!» Не идти же в самом деле в администрацию, чтобы провести там в приемной еще сорок минут! Решила гулять, значит, пойдет гулять!

Но стоило ступить на тропинку и войти в эту зыбко колышущуюся субстанцию, как все негодование и разочарование сменилось ощущением какой-то сказочной нереальности происходящего – птичий гомон остался вдалеке, вокруг стояла удивительная тишина, нарушаемая лишь еле-еле слышным шорохом речных волн. Необычно плотный, непроглядный молочный туман окутал Надю своими

влажными объятиями и не хотел выпускать. Стоило выйти из сгустка тумана, как вдогонку все тянулись и тянулись белесые щупальца, цеплялись за одежду, закручивались спиральками, словно скорбели о расставании и звали назад.

Но главное, все-таки тишина… Неправдоподобная такая, удивительная. Мягкая.

Мистика какая-то.

И вдруг в этой призрачной тишине Надя расслышала чьи-то шаги… Четкие, неторопливые шаги человека, двигавшегося навстречу по дорожке. Надя улыбнулась загадочности происходящего: ничего не видно, лишь небольшие просветы между клочками тумана – в которые то попадаешь, то снова проваливаешься в таинственное молоко, неестественная, приглушенная тишина и эти шаги.

Как в страшилках – вот сейчас выйдет незнакомец из ниоткуда и будет стра-а-а-ашно-о-о-о…

Шаги приближались, Надя подумала, что идущие навстречу запросто могут и столкнуться в такой-то ватной непрогляди, и усмехнулась, красочно представив себе курьезную картинку, как два человека налетают друг на друга.

И тут она оказалась в одной из «прорех» туманного покрова и увидела, как в метрах десяти перед ней, из плотного молочно-туманного сгустка показалась мужская фигура. Сначала очертания мужчины обозначились темным силуэтом в этой белой субстанции, а затем, разрывая окутавший его туманный кокон, он вышел в просвет, и за ним потянулись просяще-умоляюще нити-руки и, безнадежно отрываясь, закручивались у него за спиной в небольшие вихри-спиральки, словно гладили-прощались…

И тут она узнала этого человека! Сразу! Мгновенно!

Этой встречи не могло быть в реальности, просто не могло быть, и все!

Надюхе на какое-то мгновение подумалось, что она фантастическим образом переместилась во времени и пространстве, в котором этот человек материализовался перед ней, пройдя через какой-то таинственный портал.

Или он провалился, или она. А может, оба они куда-то провалились. Но это точно не должно было происходить в действительности!

От этого резкого, как удар, узнавания и неожиданности она замерла, не в силах пошевелиться, внутри словно что-то взорвалось, обдав все тело кипятком, горячая волна ударила под коленки и прокатилась до ступней.

А мужчина, продолжая прогулочным неторопливым шагом двигаться навстречу, скользнул по лицу девушки взглядом и дежурно улыбнулся, как обычно улыбаются на отдыхе малознакомым людям, с которыми сталкиваешься в ресторанах, на прогулках-экскурсиях или у ресепшена, вроде как у вас один «клуб по интересам», к которому вы приобщены, но, слава богу, без близко-дружественных отношений. Мимолетом, мимоходом, ни о чем. Улыбка – легкий комплимент.

Он шел навстречу, продолжая удерживать ту самую приветливую улыбку на губах, даже какой-то намек на кивок головой изобразил, и Надя вдруг подумала с облегчением, что сейчас мужчина так и пройдет мимо – он не узнает ее, это невозможно, и они общались-то совсем недолго, около месяца, и она ничего не значила для него миллион жизненных лет и обстоятельств назад. Пройдет – решила окрепнуть эта мысль…

Но в какое-то неуловимое мгновение, когда мужчина был уже метрах в пяти от Нади, выражение его лица резко изменилось – улыбка пропала, как растаяла, взгляд стал цепким, острым. Человек пристально всмотрелся в лицо незнакомки, замер, а затем решительно направился прямо к ней.

– Вы Надя? – спросил он, остановившись перед ней, все так же бесцеремонно-внимательно рассматривая ее лицо.

Она не стала отвечать. Почувствовала, как первая горячая волна отхлынула и за ней приходит какое-то замораживающее спокойствие, словно Надя наблюдает за происходящим со стороны. Стояла и рассматривала его в ответ.

– Надя Петрова, – выдохнул он.

Не спросил – утвердил как данность, как узнавание давно разыскиваемого и нужного человека, которого обыскался, аж устал и наконец-то вот встретил,

нашел. А она молча смотрела прямо на него.

– Вы, может, меня не помните, – предположил мужчина, неверно расценив это ее затянувшееся молчание. – Я Даниил…

– Я помню, – перебила она, – вы Даниил Казарин.

– Да… – обрадовался он как-то явно и непонятно для нее и повторил: – Да.

Постоял, размышляя о чем-то, и вдруг ошарашил заявлением, перейдя сразу же на «ты»:

– Я искал тебя.

– Зачем? – помолчав пару секунд, ровным тоном спросила она.

После взрыва чувств от неожиданности и оторопи первого узнавания этого мужчины, невозможного и нереального в ее жизни, она странно чувствовала себя, будто продолжала смотреть на происходящее со стороны. Ощущения, эмоции – все словно действительно подверглось мгновенной заморозке. Можно не бояться сказать или сделать что-то не так, успеешь сто раз подумать, пока продерешься сквозь этот лед, и уже не потребуется ни говорить, ни делать что-либо, потому что действие разворачивается дальше без нее, а она тормозит, запаздывает.

– Я хотел многое тебе рассказать, объяснить, – перевел взгляд с лица, посмотрев куда-то выше ее плеча, вдаль, Даниил.

– Зачем? – повторила Надя «замороженным» голосом.

– Это важно для меня, – опять посмотрел на нее Казарин, только каким-то другим, совсем непонятным взглядом.

Она снова помолчала, контролируя эмоции, начавшие так же неожиданно «оттаивать» и проситься наружу, и постным ровным тоном уведомила, вроде как прощаясь:

– Мне надо идти.

– Ты здесь отдыхаешь? – слишком заинтересованно спросил Даниил Казарин.

– Нет, – односложно, без объяснений ответила Надя.

– Работаешь? – не отступил он.

– Да, – вторично не порадовала конкретикой дама.

– Я провожу, – утвердил он, но тут же поняв свою ошибку, уточнил: – Надеюсь, ты не против?

– Проводи, – пожала она плечами почти равнодушно.

Они двинулись по тропинке рядом. И «заморозка», сделав свое дело, останавливая любые открытые эмоциональные порывы, стремительно растаяла и вовсе отпустила Надю, возвращая ей привычную рассудительность и почти спокойствие. Ну ладно – вовсе и никакое не спокойствие, но по крайней мере она уже вполне владела своими эмоциями. Ну хорошо, хорошо – не вполне и владела, но хоть как-то управлялась с ними.

– Можно пригласить тебя в кафе? – поинтересовался Даниил вроде бы осторожно-мягко, но довольно настойчиво.

Все-таки это не тот мужчина, который способен осторожничать и прогибаться перед женщиной или вообще перед кем бы то ни было. Он привык отдавать распоряжения и приказы, а не исполнять чьи-то. По крайней мере раньше он был именно таким.

– Мне надо в третий раз спросить: зачем? – усмехнулась Надюха.

– Поговорить, – усмехнулся в ответ он и растолковал с неким нажимом: – Надь, я действительно тебя искал долгое время. И я точно знал, для чего и что хочу сказать.

– Одиннадцать лет прошло, Даниил, – напомнила Надя, – все, что бы вы ни хотели мне сказать, перестало быть актуальным уже давно.

Нарочитым выканием она нарочно подчеркнула дистанцию.

– Да нет, – вздохнул глубоко он, – есть вещи, которые не теряют своей актуальности со временем. – И совсем другим, деловым тоном спросил: – Ты во сколько освободишься? Я тебя встречу.

Она остановилась, вынуждая остановиться и Казарина, развернулась к нему, посмотрела долгим взглядом и с легким оттенком надежды уточнила:

– А этого никак нельзя избежать?

– Вряд ли, – улыбнулся он. – Если помнишь, я редко отступаю от задуманного.

– Да, – кивнула она и снова двинулась вперед по тропинке. – Это я помню хорошо, – и уведомила: – У меня сейчас переговоры на час, может, полтора. Потом найдется около часа свободного времени.

– Отлично! – искренне порадовался Казарин. – Вот и договорились.

Больше они не разговаривали. И она все останавливала свои порывы, не разрешая себе его рассматривать, изучать. Странно так молча шли по тропинке, и, что совсем удивительно, отчего-то не испытывая неловкости и тягости этого молчания. Вырвались из туманных объятий, прошли через парк, залитый радушным солнечным светом, к административному зданию, мужчина распахнул и придержал перед Надей двери, пропуская вперед, вошел следом. И только когда она, кивнув администратору за стойкой ресепшена, двинулась к лестнице, Даниил предупредил:

– Я подожду тебя в холле.

– Это может затянуться, – удивилась Надежда.

– Я подожду, – твердо отрезал Казарин.

Переговоры прошли быстро. Впрочем, их финальная стадия была посвящена формальному подписанию нового контракта. Все детали, цены, ассортимент и дополнения к договору были давно и тщательно обговорены, перепроверены до мелочей и запятых и утверждены обеими сторонами, к полному их удовлетворению. Что и спасло, собственно говоря, ибо Надежда наша Семеновна пребывала совсем не в деловом настроении, мысленно уж точно не в реальности происходящего и не с тем мужчиной, с которым сидела за большим переговорным столом.

– Какие-то неприятности, Надежда Семеновна? – участливо поинтересовался управляющий пансионатом, подписывая документы.

– А? – вернулась из своих размышлений она. – Нет, нет. Так, рабочие моменты. – Надя дружески улыбнулась.

– Если помощь нужна, вы же знаете, в любой момент, чем смогу, – напомнил Олег Евгеньевич.

– Спасибо большое, – искренне поблагодарила Надя. – Но ничего серьезного.

Вообще-то пансионат этот имел статус такого уровня, что подписывать текущие контракты с поставщиками самому управляющему было не по рангу, ну никак. Но, может, именно поэтому данный комплекс и держал много лет такой высокий элитный уровень, что его управляющий предпочитал рулить империей, вникая в любые мелочи своего хозяйства и проявляя лично уважение давнишним и надежным партнерам. А хозяйство Дронова относилось к числу именно таких – давних, весьма надежных, очень уважаемых и любимых партнеров пансионата.

– Значит, дело в мужчине, – усмехнулся понимающе Манин.

– Всегда дело либо в мужчине, либо в женщине, – легко рассмеялась Надя и, вздохнув коротко, словно отбрасывая ненужные мысли-заботы, попросила: – Олег Евгеньевич, мне надо бы срочно с делом одним разобраться, я могу воспользоваться переговорной и поработать немного с документами?

– Да сколько угодно, – гостеприимным жестом обвел он комнату, – на сегодня никаких встреч у меня не запланировано, располагайтесь, работайте сколько

понадобится. Я предупрежу Ингу, она за вами поухаживает: чай, кофе и все, что будет нужно.

– Спасибо огромное.

– Ну, что ж, – поднимаясь с кресла и убирая в кожаную папку свой экземпляр подписанного договора, подвел итог их встрече Манин. – Поздравляю нас обоих с новым добротным контрактом. Мне очень понравились расширения в вашем ассортименте, впрочем, я уже об этом говорил. – И, уже подходя к двери, обернулся: – Кстати, Инга передала вам приглашение на праздник?

– Да, первым делом, – подтвердила Надежда.

– Приезжайте непременно, – убежденно пригласил управляющий, – номер вам забронирован, а праздник будет достойный.

– Я постараюсь, Олег Евгеньевич.

– Приезжайте, – повторил он и вышел за дверь.

В помещение тут же заглянула секретарь Инга.

– Надежда Семеновна, – профессионально приветливо обратилась она, – чай, кофе, напитки, закуски? Может, что-то нужно для работы?

– Спасибо, Инга за заботу, – сердечно поблагодарила Надя. – Ничего пока не надо.

– Хорошо, – кивнула девушка и предупредила: – Если что-то понадобится, я в приемной.

– Спасибо, – улыбнулась Надя.

Ни с какими документами работать ей на самом деле не требовалось, и вся эта искренняя забота и участие были излишни и неловки. Но внизу, в холле, сидел Даниил Антонович Казарин, а Надя совершенно не была готова ни к встрече с ним, ни к разговору, ни к его столь мистическому появлению из прошлого.

Совсем не готова.

И ей просто требовалась передышка, время, чтобы осознать, осмыслить эту фантастическую встречу и подумать, как себя держать с Даниилом и нужно ли вообще с ним общаться.

Она развернула кресло от стола, встала и подошла к панорамному, от пола до потолка, окну, из которого открывался потрясающей красоты вид на парк, сосновую рощу, реку, на тот берег, на лес, дикое поле и дальше, дальше…

Справа, в стороне, виднелась мансарда, терракотовая черепичная крыша усадьбы, которую хозяева почему-то называли «Доминой», и часть высокого забора, отделявшего хозяйскую территорию от пансионата, «нейтральную» полосу между ним и забором со стороны пансионата.

Владел всей этой величавой красотой Дмитрий Федорович Победный. Ну очень крутой товарищ, к олигархам себя не причислявший, но на какой-то там позиции печально известного журнала «Форбс» появившийся.

Раньше, в далекие советские времена, на этом месте располагался пансионат для партийной элиты страны, с особым смыслом удаленный в медвежий угол – не так чтобы далеко от Москвы, не тысячи километров, но подальше от народа, чтобы эта самая элита могла отрываться в свое удовольствие почем зря.
И места-то специально выбирали – чтобы природная первозданность, радующая все органы чувств, виды уникальные, воздух, ну и оздоровление, как без него, побаливали от излишеств и нервов партийные чиновники.

После страшного периода «гласности и перестройки», закончившегося развалом страны, пансионат бросили, списали-переписали с каких-то балансов и фондов. Бесхозный, он пришел в полное запустение и разорение. Но рядом продавался огромный участок земли с потрясающей красоты природой и прямым выходом к реке. Участок приглянулся господину Победному. Насколько Надежде было известно, предприниматель решил выкупить и земли пансионата, которые собирались продавать под застройку частными домами.

Дмитрия Победного соседство множества частников с неизвестными амбициями и проявлениями оных явно не устраивало, а поскольку человек такого уровня

бизнеса ни землями, ни деньгами не разбрасывается, он нанял специалистов, которые просчитали прямую выгоду от устройства нового пансионата на базе старого. Кстати, расчет строиться «на базе» не сработал – снесли все к чертовой бабушке и выстроили абсолютно новые корпуса и коммуникации.

Пансионат потрясающий! Просто чудесный!

Органично вписан в природу, на территории разбили несколько новых парков, проведя огромную очистительную работу. Построили стильные современные корпуса, конюшни с крытым манежем для выездки, свои рабочие хозяйские цеха: кулинарные, пекарня, кондитерские, прачечная, столярные и иные мастерские, дома для обслуживающего персонала, работающего недельными вахтами, не говоря о ресторанах, кафе, барах, несколько отдельно стоящих коттеджей для люксовых гостей. Коммуникации, инфраструктура, новейшее медицинское оборудование для профилактики и лечения, косметические аппараты, салон красоты, спортивный комплекс, свой автопарк – да все, что только можно представить в дорогущем, держащем высочайшую марку оздоровительно-развлекательном, скажем так – целом городке. Кстати, достать сюда путевку – большая проблема: места проданы и забронированы на несколько месяцев вперед, и так круглый год.

Вокруг, куда ни глянь, красота. Надежде этот комплекс очень нравился и люди, работающие в нем. Нравилось, насколько глубоко, до самых тонких мелочей все здесь продумано, устроено, спланировано, как слаженно и точно работает этот организм, какие интересные и талантливые люди тут трудятся, и ведь кое-кто из них даже переехал из Москвы. А потому что платят достойно и уважение выказывают к их труду.

Да что это она?! Чего это вдруг о пансионате-то взялась размышлять? От досады Надюха аж головой тряхнула! И вздохнула горемычной старушкой, понимая, что таким вот образом избегает главной проблемы, ради которой и задержалась здесь. Да уж, как ни оттягивай момент и ни прячься, но встречаться с Казариным придется, и подумать об этом надо срочно.

Она вздохнула еще разок, вернулась к столу, ухватив кресло за спинку, перекатила его к окну, села и еще раз обвела взглядом открывающуюся потрясающую картину.

М-да, и что, скажите на милость, ей делать с Даниилом Казариным?

Ну, положим, она-то с ним поделать мало чего может, а вот он с ней…

Надюша Петрова непременно хотела учиться и жить в городе Москве.

Вот только там, и больше нигде! Хотя Благовещенск, в котором родилась и выросла, она очень любила, и все-все в нем ей нравилось, но Москва запала в ее детскую душу в десять лет. Тогда класс, где училась Надя, возили на экскурсию в столицу во время зимних каникул. Надежду потрясло все, что она увидела, – Красная площадь и Большой театр, ЦУМ, ГУМ, Тверская улица, Садовое кольцо, цирк, кинотеатр «Россия», Третьяковская галерея, Пушкинский музей… Все-все-все!

Вернулась она домой, бросила сумку на пол и с порога решительно объявила деду:

– Москва – это мой город! Буду жить там!

– О как! – усмехнулся столь сильному заявлению Максим Кузьмич.

А внучка принялась торопливо объяснять, размахивая руками, посверкивая восторженно глазами, возбужденная, взволнованная, – терпела же всю дорогу, пока доберется и объявит о таком важном! Так и ходила за дедом два дня кряду и рассказывала, рассказывала… Максим Кузьмич не останавливал Надю, все посмеивался эдакому энтузиазму, кивал, посчитав, что проще правильно использовать столь сильное увлечение внучки, направив его в нужное русло.

Они жили вдвоем с пяти Надюшкиных лет, Надя звала деда папой и поверяла ему все свои радости-горести и даже какие-то девчоночьи тайны, а он любил ее безмерно, называл нежно Нюшей, старался не совсем уж безрассудно баловать и хорошо знал и понимал характер внучки, чтобы мудро направлять ее сильные порывы и желания, например такие, как гвоздем засевшее в мозгу стремление поселиться в Москве.

Да пожалуйста, поддержал он, только путь в столицу один – поступить в вуз.

Что нужно для этого? Правильно – великолепно учиться, желательно лучше всех.

А буду! Сказала Надюшка и принялась учиться лучше всех. Старалась изо всех сил и серьезных устремлений, не потерявших актуальности с годами, а ровно наоборот, лишь укрепляясь в намерении стать жительницей столицы нашей Родины, вступив, таким образом, в миллионные отряды девочек страны, мечтающих о том же и с такой же горячей целеустремленностью. Которая, всем известно, как правило, разбивалась об обыкновенный быт, просеивая, как сквозь сито, миллионы желающих, оставляя тысячи, устремляющихся в манящую другой – дорогой, богатой, европейской – жизнью Москву. А там уж и реальность пережевывала амбициозных девочек и выплевывала большую половину из них назад по родным домам.

Бывают такие детки, которым учеба дается тяжеловатенько – усидчивостью и упорством с зубрежкой, но которые настолько стремятся быть первыми, побеждать и преодолевать, что станут учить и учить. Есть такие. Интересно, что недавно ученые-социологи, проводившие многолетние исследования, выяснили, что, оказывается, практически все отличники и медалисты относятся именно к этой категории детей – упорных зубрилок. И совсем небольшой процент из них – это просто одаренные дети. А вот к середничкам-хорошистам относятся практически все блестящие умы и гении. Все дело в том, что такие детки не могут вписаться в определенные рамки и установленные правила, их восприятие мира и приложение к нему своих способностей простираются гораздо шире.

Надюша не относилась ни к той, ни к другой категории детей – она не была ни зубрилкой-отличницей, ни шебутным, беспокойным гением. Где-то посередине. Просто учеба ей давалась довольно легко и без особых усилий и надрывов, чтобы прямо вот так уж упахиваться, стараться и сидеть до ночи за учебниками. К тому же она слишком рано ощутила себя взрослой, понимала мир и жизнь больше, чем надо бы детям ее возраста. Может, врожденное такое осознание мира дано, а может, приобретенное непростой семейной ситуацией и жизнью с мудрым дедом. Но и вполне определенные способности к наукам у нее имелись – к математике, к любым вычислениям и чуть меньше к языкам.

Практичный Максим Кузьмич отдал внучку в школу с углубленным изучением иностранных языков, где преподавали весьма хорошие учителя, так что к третьему классу девочка уже бегло владела английским. Ну а китайский язык у нее получился, как второй родной.

Тут надо кое-что пояснить. Если кто не знает, то город Благовещенск – один из самых уникальных в нашей стране, единственный город, который стоит прямо на границе – в километре от него, на правом берегу реки находится китайский город Хайхэ. Китайцы же вообще считают Благовещенск своим городом и наносят его на карты как часть страны. Но это так, к справке.

Все дело в том, что еще во времена начавшегося кооперативного движения в конце восьмидесятых годов Максим Кузьмич, будучи человеком умным, деятельным и дальновидным, организовал свой первый кооператив и занялся сельским хозяйством, привлекая для работы и китайцев. После девяносто первого он оформил совместное русско-китайское предприятие, существенно расширив область своей деятельности, а еще через пару лет переоформил бизнес в единоличную частную собственность, так ему было удобней, да и китайским партнерам тоже.

Надюшка с малолетства привыкла, что к ним в гости постоянно приезжают китайцы и даже дружила с детьми дедушкиных партнеров, а уж сам Китай они с Максимом Кузьмичом объездили вдоль и поперек и по делам-командировкам, и просто туристами, и в гости. Частенько бывало в этих поездках, что Надя запросто бралась помогать взрослым в бухгалтерских расчетах, когда возникала такая необходимость, щелкая цифры, как семечки, и умножая в уме трехзначные цифры за секунды. Вот такое имелось у нее дарование, которое она еще и развивала по одной известной методике на специальных курсах.

По всем этим причинам и получилось, что, собственно, как такового вопроса о выборе вуза и профессии не стояло – бухгалтерия, финансы, экономика. Ну а языки тоже как получится – английский уж точно не помешает, и китайский пригодится.

Надя с первого раза спокойно, без нервов и истерик поступила в Москве в самый престижный экономический вуз страны – Высшую школу экономики, Вышку, как его почти любовно называют. А вечером, когда они с Максимом Кузьмичом отмечали Надино поступление, он вдруг ошарашил внучку сообщением:

– Я, Нюша, бизнес сюда поближе решил перенести.

– Как это, пап? – удивилась она.

– Так это, – усмехнулся он и пояснил: – Неправильно, если ты будешь здесь одна, без родных и близких, а я за тысячи километров от тебя и тоже один. Вдруг помощь нужна или проблема какая у тебя возникнет, да я изведусь, с ума сойду, пока до тебя доберусь. О чем говорить, никуда я тебя одну не отпущу.
Вот и решил.

– Но как же хозяйство, партнеры твои, Китай?

– Хозяйство уже продаю, и весьма удачно, хорошего покупателя нашел, кое-что перенесу-перевезу на новое место, да и люди со мной некоторые готовы переехать. А партнеры и Китай благополучно проживут и без меня. – Дед обнял ее за плечи, прижал к себе и подбодрил весело: – Пора, как считаешь, Нюш, осваивать среднюю полосу России?

– Ну, давай осваивать, – поддержала она, рассмеявшись, и вдруг стала серьезной и призналась: – Если честно, па, я так боялась от тебя улетать и остаться здесь совсем одной.

– Ну, это ж была твоя мечта, самая горячая и заветная, – подначил, хитро усмехнувшись, он.

– Ну мечта, – вздохнула Наденька. – Но одной все равно страшно и грустно. Хотя самостоятельности тоже хочется.

– Будет тебе самостоятельность, – рассмеялся Максим Кузьмич. –
Аж с перебором. Я же посреди Москвы сельское хозяйство не разведу при всем моем горячем желании и любопытстве. Придется «чигирями» подмосковными ограничиться.

Но в результате приглянулись Максиму Кузьмичу земля и хозяйство довольно далеко от столицы, в несколько сот километров от первопрестольной, зато места там знатные, удивительной красоты. Земли плодородные, удачные, и хозяйство не совсем чтобы разоренное он покупал, не с нуля поднимать пришлось.

И подумаешь, на машине несколько часов добираться от Москвы, по их-то благовещенским меркам, считай, что рядышком, прям у порога, а не за тысячи тысяч километров – пока долетишь-доедешь.

Начинать заново дело на новом незнакомом месте, да еще и несколько прихватив с собой в новую жизнь работников с семьями, порушив оседлость привычную, без нужных связей и знакомств чиновничьих, без поддержки – ой как непросто! С насиженного места, от наработанных механизмов ладного, добротного хозяйства и в возрасте, деду тогда уж пятьдесят шесть было, не мальчик. Тяжело приходилось Максиму Кузьмичу, все финансы вложил, кредитовался серьезно и вкалывал беспросветно: от зари до зари, что называется.

Надя ужасно переживала за деда, прямо измучилась вся, чувствуя некую свою вину в его мытарствах и трудностях, в том, что сорвала его с насиженного места, из родного дома. И любящая внученька решила хоть как-то помочь Максиму Кузьмичу. Ну, она такая – решила, значит, надо действовать.

Хорошее желание, даже достойное, можно сказать. Но как помочь? Вполне себе логичный вопрос напрашивался. Учится она на очном отделении, материала для освоения им дают до фига и еще трошки, как говорят на Украине, только и делай, что сиди-занимайся.

Ну и что теперь – ничего, справлюсь! – решила упертая девушка Надя. Составила и разослала свое резюме в разные фирмы-организации. И где-то через неделю начала получать многочисленные приглашения на собеседования. Ходила на собеседования как на работу – чуть ли не по два-три раза в неделю.

Надюха такой популярностью у потенциальных работодателей пользовалась потому, что указала в резюме владение английским и китайским языками. Увы, и это не сильно ей помогло – большинство из работодателей, узнав, что девушке только семнадцать лет и она учится в институте, отказывались от ее кандидатуры сразу.

– Вот исполнится восемнадцать, тогда и приходите, – отшивали ее в очередной раз.

К тому же большая часть фирм, в которых она проходила собеседование, имели потребность в китайскоговорящем сотруднике исключительно для деятельности на уровне шмоточных рынков или сельхозработ.

А что-то типа посольств, представительств каких-нибудь дипломатических, конгломератов международных, на худой конец серьезных коммерческих фирм на Наденьку Петрову пока не обратили внимание и не востребовали немедленно к себе на работу. Вопросом «почему?» она не задавалась, будучи девочкой вполне разумной и не по годам здравомыслящей. Но она бы и шмотками могла заниматься, а уж про фермерское хозяйство очень даже хорошо все знала и понимала, да только сама бы не пошла в большинство тех фирм, где уже проходила собеседование – мутные они, сразу чувствовалось.

Но девушка наша была настойчивая, упорная, дотошная. От поисков не отказывалась и продолжала рассылку резюме и походы по разным организациям после учебы.

Один положительный момент в этом был. Даже два. Первое – топала Надюха в основном пешком от метро, искала нужные адреса по карте и за два месяца изучила город, пожалуй, получше многих коренных москвичей, особенно его центральную часть – вот точно: вдоль и поперек. И второе – это особая школа: как правильно проходить собеседование при приеме на работу, как оценивать людей, уровень организации, куда пришел наниматься, степень ее серьезности или запах «Рогов и копыт» ильфо-петровских с элементами плохо прикрытого криминала. Между прочим, весьма интересная наука, которую Надежде приходилось осваивать самостоятельно, без подсказок и справочников, методом, как говорится, научного тыка, проб и ошибок.

Однажды, за двадцать дней до Нового года, Надюха отправилась в очередной офис. В принципе эта попытка изначально считалась безнадежно провальной – как правило, перед Новым годом никто никого не нанимает и вообще никаких телодвижений кадровых и реформаторских не производит, но Надя позвонила узнать ответ по ее кандидатуре, ей вяло и без энтузиазма объяснили, что место вроде как вакантно, но есть несколько претендентов, по которым окончательного решения пока не принято…

– Ну, приходите, побеседуем, – с большим сомнением и плохо скрываемым неудовольствием ответила по телефону дама.

Понятно же, конечно: время собеседования после пяти вечера, когда у Нади учеба заканчивалась, а людям надо и по магазинам за покупками-подарками, и делами предпраздничными заниматься, а тут задерживайся из-за какой-то барышни только для того, чтобы ей отказать… Надежда это понимала,

но вздохнула и пошла – а что делать, она привыкла доводить все до конца, да и сама напросилась. Нечего было в таком случае звонить и допытываться, раз знаешь, что это безнадега. Пошла.

Офис ей сразу понравился. Даже и не так – еще до офиса ей понравился новехонько отреставрированный дом, приветливый охранник на входе, не в закуточке каком полтора на полтора в виде гроба, а во вполне достойной комнате за стеклом.

Нужная ей фирма располагалась на последнем, третьем, этаже и занимала полностью большое левое крыло здания. Солидная вывеска, не «пятиминутка» незатейливая, а все чинно-благородно, дверь под видеонаблюдением. Теперь уже охранник самой фирмы, сидящий за длинным столом, отгороженным высокой стойкой справа от двери, проверил Надюшин документ, сверяя с каким-то списком, и указал, куда идти – последняя дверь в конце коридора.

А еще ей понравился запах свежего ремонта и просторный длинный коридор, где в углах и возле дверей стояли кадки с настоящими растениями. Словом, общее впечатление само по себе уже радовало и огорчало одновременно, потому как вот здесь бы Надя поработала с удовольствием, но ей скорее всего откажут. А жаль.

Надя сняла пуховик, перекинула его через руку, подходя к нужному кабинету, подняла руку, чтобы постучать и услышала с той стороны двери, прямо рядом, четкий очень начальственный мужской голос, недовольно распорядившийся:

– Завтра же чтобы такой человек у меня был, Ольга Павловна!

Дверь резко распахнулась и со всей дури жахнула Надежду прямехонько по лбу!

– О-у-у! – вскрикнула от боли девушка.

Отлетела от двери и плюхнулась на попку на пол, уронив в полете пуховик и сумку и тут же прижав пальцы к ушибленному месту.

– О господи, девушка! – прокричал кто-то у нее над головой.

Надюха всегда была убеждена, что выражение: «посыпались искры из глаз» носит исключительно образный, художественный характер, да к тому же звучит не очень-то и красиво. Оказалось, ничего подобного – искры реально посыпались!

Вернее, в первое мгновение Наде стало просто ужасно больно, потом потемнело в глазах или, может, она их закрыла, стало темно. И вот уже в этой черноте полетели яркие золотистые искры-звездочки и крутились-крутились…

– Девушка, с вами все в порядке? – спросил кто-то у нее над головой.

– Не знаю, – промямлила Надя и открыла глаза.

Ага, значит, она их все-таки закрывала – порадовалась такому важному открытию Надюха, убеждаясь экспериментальным путем, что зрения она, слава тебе, господи, не лишилась. И видела теперь обе свои ладони, максимально приближенные к глазам, и все те же золотистые звездочки. И добавила к вышесказанному ею более внятно:

– Идиотский вопрос.

– Да уж, – согласился кто-то.

И тут на Надежду обрушилась целая какофония голосов, разговаривающих прямо над ее головой практически одновременно:

– Что с ней?

– Надо «Скорую» вызвать!

– Ее в больницу надо!

– Посмотрите, у нее кровь не идет?

– А кто она такая?

– Пришла на собеседование.

– Может, она ослепла?

– У нее точно сотрясение мозга!

И вдруг один командирский голос распорядился громко, четко, останавливая это бессистемное кудахтанье:

– Ти-хо! Значит, так! Ольга Павловна, принесите что-нибудь из морозилки, надо срочно приложить к ушибу! Марина Анатольевна, полотенце или тряпку какую-нибудь! Виталий! На ключи, открой мой кабинет, надо девушку на диван уложить.

Неожиданно ее подхватил кто-то на руки и куда-то понес. Наденька отвела наконец руки ото лба и удивленно посмотрела на мужчину, на руках у которого оказалась. И не разглядела – все было как в дымке какой-то, расплываясь и теряя четкость контуров. Хотела спросить, куда он ее несет, и потребовать отпустить, но предательское горло выдало какой-то малопонятный звук вроде сипения придушенной кошки.

– Вам плохо? – резко спросил мужчина.

Ну что тут ответишь? «Нет, хорошо!» Вот она и промолчала, чувствуя, как наливается пульсирующей болью ушиб на лбу. А здорово ее приложили! Прям в центр лба – фигак со всей душой так!

Наконец ее куда-то донесли и уложили на диван, над ней склонилось мужское лицо, черты которого теперь начали приобретать четкость. Молодой мужик, темные волосы, высокий лоб, крупноватый, явно перебитый когда-то и от этого немного кривой, с горбинкой нос, тонкие губы, волевой подбородок, одна бровь со шрамом, почему-то злые сейчас карие глаза такого странного тепло-шоколадного оттенка.

Некрасивый. Совсем. Очень мужчина. Ужасно сексуальный. Сосредоточенный и злой.

– Дайте я посмотрю! – потребовал он.

Сел рядом на диван, осторожно отвел Надину ладонь, которую она, оказывается, непроизвольно все прижимала к ушибу, и внимательно рассмотрел Надин лоб. Потрогал кончиками пальцев, совсем осторожно, правда, Надюха все же скривилась на всякий случай, и вынес вердикт:

– Сильный ушиб. Шишка будет и синяк точно. Может, и сотрясение есть небольшое.

– Вот, Даниил Антонович! – чуть запыхавшись, сказала какая-то женщина и сунула ему что-то в руки.

– Очень хорошо, – оценил он предмет и медленно приложил его к Надюшиной голове.

– Что это? – спросила настороженно Надя.

– Замороженная малина, – пояснила женщина.

– Вот, – сказала другая женщина и протянула небольшое полотенце.

Мужчина кивнул, благодаря, завернул в полотенце пакет с малиной и снова приложил к ушибленному лбу.

– Вы вообще как тут оказались, девушка? – спросил строго и недовольно, как будто это не он ее стукнул, а она ему врезала от души.

– Пришла на собеседование по поводу работы, – постаралась не смотреть на мужчину Надюха.

Его некрасивое, даже не симпатичное, но интересное лицо производило на нее сильное впечатление, чем-то неотвратимо притягивая к себе. Хотелось рассмотреть эти черты более детально, тщательно.

– Насколько мне известно, у нас имеется только одна вакансия, – заметил мужчина и вдруг улыбнулся, перестав казаться таким сосредоточенно

недовольным.

И эта перемена мимики потрясла условно раненую Надежду Петрову и перевернула в ней все – эта чуть кривоватая, сдержанная улыбка превращала его лицо в эдакий образчик мужского сурового эротизма, не брутального и нарочитого, не глянцевой мачости, а вот настоящей, истинно мужской сущности. Он казался способным на суровый поступок и на нежность одновременно, на сострадание и шутку – губительный коктейль для женщин.

– Секретаря-референта со знанием китайского языка, – пояснил он, неправильно истолковав ее изучающий взгляд из-под его руки, продолжавшей удерживать компресс у нее на лбу.

– Я со знанием, – просипела отчего-то севшим голосом Надюшка, как завороженная глядя на его улыбающиеся губы.

И тут над ней наклонился человек восточной внешности, загородив заботливого и начальственного Даниила Антоновича вместе с его эротической улыбкой, и спросил по-китайски:

– Как вы себя чувствуете?

– Как человек, которого ударили по голове, – честно призналась Надюха.

– Это очень хорошо, что вы сохраняете чувство юмора в такой ситуации, – порадовался незнакомец.

– Вам кажется, что я шучу? – серьезно поинтересовалась Наденька.

– Это очень тонкий русский юмор, я понимаю, – улыбнулся человек и даже хихикнул мелко и спросил: – Где вы изучали китайский язык?

– На Дальнем Востоке, – весьма туманно ответила она.

Не вдаваясь в подробности, очень неплохо зная характеры и привычки китайцев и многому научившись у них, например, тому, что не надо открывать лишней информации, пока не придет действительно реальная необходимость.

– Вы читаете по-китайски, рисуете иероглифы? – допытывался китаец.

– Да, – оповестила его Надя.

– Знаете какие-нибудь наречия?

– Нескольких провинций, но, разумеется, не всех, – отчего-то начала злиться девушка.

Он достал из кармана пиджака сложенный вчетверо лист бумаги стандартного формата, развернул и протянул ей:

– Прочтите вслух и переведите, – по-добренькому так улыбаясь, все же не попросил, а скорее распорядился он.

Надя взяла листок и принялась читать вслух текст все более недовольным тоном. Это был типичный для китайского делопроизводства договор на выполнение одноразовых перевозок груза нестандартных габаритов между двумя частными лицами с перечислением всяких деталей.

– Спасибо, – перебил ее мужчина, не дав дочитать до конца.

Он выхватил из пальцев девушки листок, сложил снова вчетверо и убрал в карман. А затем быстрой скороговоркой оповестил Даниила Антоновича, повернувшись к нему:

– Девушка прекрасно владеет языком и вполне может справиться с вашими задачами. Если я вам еще понадоблюсь, звоните.

И проворно свинтил с горизонта, совершенно ошарашив своей шустростью Надежду, не совсем четко понявшую, что сейчас произошло.

– Что это было? – ошарашенно спросила она.

– Это? Переводчик из китайского посольства, который тестировал соискателя на вакансию, – объяснил главный тут мужчина и улыбнулся. – Ну что, девушка,

по всей видимости, вы нам подходите.

– Потому что вы засветили мне в лоб? – решила уточнить Надя.

– Нет, – усмехнулся он. – Потому что вы хорошо владеете китайским языком.

– Мне семнадцать лет и работать я могу только по вечерам, потому что учусь в институте на дневном отделении, – поспешила оповестить о своих обстоятельствах Надюха.

– А вот это не есть хорошо, барышня, – перестал улыбаться мужчина.

– Но восемнадцать мне исполнится третьего января, а работать я могу и до ночи, если надо, и по выходным, – заторопилась успокоить его она.

– Ладно, разберемся, – решительно выдохнул он и спросил о более актуальном: – Голова болит?

– Болит, – подтвердила Надюха.

– Сколько? – спросил начальник, показав ей три пальца.

– Три, – скривилась она и напомнила: – Вы ж не ломом все-таки приложили.

– Ну, знаете… – неопределенно кивнул он головой, убрал с ее лба холодящий пакет с малиной и, подхватив под локоть, распорядился: – Давайте-ка попробуем встать и проверить, как вы себя чувствуете.

Чувствовала она себя идиоткой, когда Даниил Антонович, придерживая ее под локоток и другой рукой за талию, помог подняться, и вся собравшаяся вокруг них компания принялась с взыскательным интересом рассматривать выражение Надиного лица.

– Голова не кружится, не тошнит? – допытывался начальник.

– Пальцев три, не кружится, не тошнит, ноги не подгибаются, голова болит чертовски, – отрапортовала она недовольно и потребовала: – Все, отпустите меня.

– Все равно надо бы ее в больницу, Даниил Антонович, – с большим сомнением в тоне высказалась одна из женщин. – А то с ней случится что-нибудь на улице, когда она отсюда выйдет, она на вас иск накатает и в суд подаст.

– А вы решили мне подсказать, чтобы я о такой шоколадной возможности не забыла? – мило поинтересовалась Надюха.

– О как! – подивилась вторая женщина и констатировала с величавым спокойствием: – А девушка-то с характером.

– Ну, думаю, развлечений на сегодня достаточно, – строго оборвал обсуждение начальствующий мужчина. – Девушку я отвезу домой. Ольга Павловна, помогите ей одеться и привести себя в порядок.

– Как вас зовут? – спросил он, когда они отъехали от здания.

– Надежда, – представилась она.

– А меня Даниил Антонович Казарин.

– Да, я поняла, – попыталась кивнуть девушка, сморщилась от резкой боли, вызванной этим движением, и спросила: – Вы главный хозяин или просто начальник?

– Я начальствующий хозяин, – ухмыльнулся он.

– А что за работа для меня?

– Большой проект с китайцами, много договоров, много информации, много перевода и частые командировки в Китай, ближайшая сразу после Нового года. Поэтому вы вряд ли мне подойдете со своей занятостью в институте.

– Надо попробовать, – заявила она, прикрывая глаза и откидывая болевшую все сильней и сильней голову на подголовник. – У меня каникулы, а документы я могу переводить вечерами и ночами. К тому же, как я понимаю, других подходящих кандидатов вы уже не найдете за оставшееся время.

Он ничего не ответил и вообще больше с ней не разговаривал, пока они не подъехали к больнице, только посматривал на Надю и хмурился.

– Зачем? – вяло сопротивлялась Надюха, обнаружив, куда они приехали. – Ничего же страшного, просто ушиб и шишка.

Но вступать в дискуссию начальствующий хозяин не стал, а придерживая под локоть, сопроводил девушку в приемное отделение травматологии.

Ну и ничего серьезного у нее не нашли – шишак, как полагается, синяк, который уже предательски сползал под глаза, и совсем легкое сотрясение. Сделали обезболивающий укол, порекомендовали отдыхать, в ближайшие дни не делать резких движений, наклонов и избегать нагрузок.

К дому, в котором жила Надюшка на съемной квартире, подъехать было совсем непросто – через дворы, вечно заставленные машинами и коробками разномастных железных гаражей, почти в тупик, где не развернуться, поэтому она всегда, когда ехала на такси, просила остановить у остановки, а дальше шла пешком через два хорошо освещенных и вполне безопасных двора. Попросила она и этого Даниила Антоновича, он непременно хотел подвезти пострадавшую по его вине барышню к подъезду и убедиться, что все с ней в порядке, а она настойчиво отказывалась.

– Ладно, тогда дайте мне номер вашего сотового, – согласился он на компромисс и строго спросил, – сколько вам идти отсюда?

– Да три минуты! – уверила Надюшка. – Ну, еще пару подняться на лифте и войти в квартиру.

– Номер, – требовательно повторил он.

Она продиктовала, он занес в память телефона и тут же позвонил, перепроверил, не обманула ли, и строго распорядился:

– Идите. Я позвоню. И включите воду в каком-нибудь кране, чтобы я точно знал, что вы дома.

– А что с работой? – осторожненько поинтересовалась она.

– Посмотрим, – ничего не пообещав, навел туману господин Казарин.

Он взял ее на работу.

На следующий день позвонил и сказал, что нанимает ее на испытательный срок с почасовой оплатой в командировке и при переговорах в Москве и тарифной оплатой за переведенные страницы. И добавил: Надя должна прийти сегодня вечером, чтобы подписать договор найма и сразу же начать работать.

– Спасибо! Обязательно приду! – порадовалась Надюха и предупредила: – Только не пугайтесь!

– Что, все так плохо? – помолчав, поинтересовался он.

– Ужас! – весело сообщила она. – Пол-лица фиолетово-синее.

Даниил Антонович вздохнул тяжко и признался:

– Переводчик мне нужен был еще две недели назад, так что прийти все-таки придется, Надя, работы много.

Работы оказалось не просто много, а очень-очень много, целая гора. Выяснилось, что господин Казарин, является одним из известных инвесторов разного рода строительных проектов ну и еще чего-то там. В данный исторический момент он собирался вкладываться в перспективнейшую стройку в Китае в качестве одного из главных инвесторов. Были у него и другие проекты и дела-активы, но китайский приоритетный.

– А почему вы не взяли других соискателей? – полюбопытствовала Надюха тем же вечером. – Мне же говорили, что на место было несколько претендентов.

Он посмотрел на нее какое-то время внимательно и, улыбнувшись невесело, заметил:

– Выглядите ужасно, такое впечатление, что вы лбом о стену долбились с целью самоубийства. Никакой грим не помогает.

– Вот спасибо, поддержали, – преувеличенно наигранно поблагодарила Надя.

– Да уж, – даже не смутился, а развеселился Казарин и тут же снова вернулся к деловому тону: – А что до других претендентов, то все они были китайцами по происхождению, хоть и с прекрасным русским языком.

– И что? – не поняла Надюха интриги момента.

– А то, Наденька, что они априори не будут на моей стороне до конца и могут играть, пусть даже в мелочах и неосознанно, но в другие ворота.

– То есть неточно переводить или о чем-то умолчать, вы это имеете в виду?

– Именно. Насколько мне известно, китайцы всей душой и телом за свою Поднебесную родину и друг за друга, а надуть европейца, тем паче русского, – это вообще их святая задача.

– Ну, не совсем так прямолинейно, – усмехнулась девушка. – Но в общем и целом правильно.

– А вы хорошо знаете китайцев? – живо заинтересовался Казарин.

– Достаточно хорошо, я, можно сказать, выросла в Китае. Но только никто не может хорошо и до конца знать и понимать этот народ, хоть ты всю жизнь проживи с ними. Многое в их жизни, характере и традициях просто невозможно постичь и принять разуму европейца.

– Вы уверены, что вам действительно семнадцать лет? – приподняв вопросительно брови, спросил Казарин.

До самого тридцать первого декабря Надя переводила кучу документов, засиживаясь порой до утра, и работала переводчиком при телефонных разговорах Казарина с китайскими партнерами да еще сдавала экзамены в вышке, так что к Новому году чувствовала себя совершенно измотанной. Ничем, кроме работы и учебы, она не занималась. Запустила совершенно квартиру и хозяйство, не успела подготовиться к празднику – ни продуктов-подарков купить, ни наряд новый выбрать, не говоря уже о елке. Впрочем, на все это наплевать, потому что Новый год Надя собиралась встречать с дедом и даже билет на поезд уже купила.

Но в новом интересном деле было нечто такое, что захватило девушку, околдовало, одарило новой незнакомой энергией, дающей небывалые силы, и наполняло ощущением какого-то праздничного подъема, радости.

Даниил Антонович Казарин – имя этому нечто.

Они виделись каждый день, даже в выходные. После института Надя сразу шла в приемную перед его кабинетом, где распоряжалась секретарь Ольга Павловна – та самая женщина, которая предупреждала Казарина о том, что пострадавшая может подать на него иск. Теперь Ольга Павловна взяла Надю под свое крыло и все сетовала, что девушка так много работает, на износ да и только, да еще и учеба у девочки. Ольга Павловна старалась подкормить Надю чем-то домашним, вкусненьким, заботилась о ней.

Как правило, в приемной Надюха не задерживалась больше десяти минут – ее сразу вызывал Казарин, и они приступали к делу. Надя переводила документы, он тут же делал уточнения, пояснения, обозначал ей фронт работы на вечер. В основном переводами Надя занималась в офисе практически до ночи, когда все уже уходили и оставались только она и охранник. Потому как большинство бумаг нельзя было выносить из офиса, а те, что можно, девушка забирала с собой и переводила еще и дома, засиживаясь чуть не до рассвета.

С первого же дня Надюха безысходно и предсказуемо подпала под сильнейшее воздействие мужской харизмы Казарина и погружалась в него, увязая все

глубже, и вполне четко понимала это. Частенько, когда они работали вместе, она вдруг, словно выключаясь из действительности, замирала, завороженная, и наблюдала за ним: за мимикой его лица, движениями, жестами, так и сидела, пока он ее не окликал.

Даниил Казарин был настолько неординарной личностью, что само по себе привлекало к нему повышенное внимание, к тому же он обладал невероятно сильным, природным мужским магнетизмом, который гибельно-неотвратимо притягивал женщин. Причем любых – от детсадовского возраста до столетних старушек.

В этой его некрасивости, даже где-то нарочитой, – словно природа постаралась лишить каждую черту его лица симметрии, мягкости и гармонии, – было такое сильнейшее, чистейшее мужское начало, что меркли любые признанные красавцы эталонной мужской красоты, начиная казаться сладкими, безвольными мальчиками.

Надюха постаралась разузнать о Казарине как можно больше – и в Интернете покопалась, и журналы проштудировала, и не стеснялась вопросы сотрудникам задавать. Кладезем информации оказались, разумеется, Ольга Павловна и, как ни странно, охранники. Они тоже взяли под свою опеку девочку, проверяли, чтобы она поужинала и еще чайку попила – закрывали-проверяли все замки-запоры, оставляя пост, приходили к ней в переговорную, которую Наде выделили для работы, и прямо-таки за ручку вели в комнату отдыха и составляли компанию за столом, заодно и беседу вели. Для нее так весьма содержательную – сплетническую.

Даниилу Казарину было двадцать пять лет, но выглядел он значительно старше и уж точно умнее-мудрее своих сверстников. Например, первым замом Казарина работал его бывший одногруппник Михаил Андреевич Дружинин. Вот он выглядел на свои двадцать пять и даже несколько моложе. Но Надежде этот человек не понравился сразу – что-то в нем… и не определишь что. Вроде приветливый, улыбчивый, но вот так он на Надю смотрел, словно к куску мяса в магазине приглядывался, оценивающе – брать или не брать. Или ей просто так казалось из-за своего, с каждым днем все более растущего интереса к Казарину. Черт знает, но вот почему-то не понравился ей Дружинин.

Вообще-то речь не о нем – бог с ним, пусть живет и здравствует.

Так вот, странно, но никто не знал родственников Казарина, из какой он семьи вообще и откуда родом, была, по слухам, только тетка, которую он тщательно оберегал от любых журналистов и публичных проявлений. Ольга Павловна как-то сказала, что их главный бухгалтер Константин Иванович вроде как эту тетю хорошо знает, но и он про это железно молчит. Так что про семью-детство Казарина даже самые дотошные журналюги ничего не писали.

А папарацци, надо сказать, за ним гонялись! Еще как!

Ну, во-первых, господин Казарин в свое время числился самым молодым бизнесменом в стране, в двадцать лет он уже владел миллионами долларов и благополучно пережил дефолт, лишь укрепив свое состояние. Во-вторых, он был известным инвестором, вкладывающим деньги в проекты, которые специалисты считали слишком рискованными, но Даниил каждый раз умудрялся выигрывать и получать офигенные прибыли да еще имел солидный пакет акций – словом, весьма удачливый бизнесмен. Сейчас и помоложе его мальчики становились миллиардерами, но интерес к нему не ослабевал.

А потому что: в-третьих! Он стабильно считался одним из самых завидных холостяков страны – женщины охотились на Казарина, сходили по нему с ума, признавались ему публично в любви и совершали всяческие сумасбродства в его честь, а он их ответно любил и менял с постоянной регулярностью.

Высокий, стройный, гибкий, Казарин обладал великолепной натренированной фигурой, имел прекрасный врожденный вкус и собственный стиль в одежде, которому пытались подражать многие светские мужчины. Он предпочитал определенные дизайнерские марки и носил одежду с такой неподражаемой естественностью, что его умоляли-зазывали редакторы глянцевых журналов и известные фотохудожники сделать хоть один снимок. Кстати, камера его любила, как и все остальные женщины, непостижимым образом снимки усиливали его притягательную мужественность и природную неподражаемую харизму самца-вожака. Просто потрясно.

Понятное дело, что шансов не запасть на него Надежде провидение не оставило. Она была уже влюблена-влюблена-влюблена! Удивлялась самой себе, не сопротивлялась и падала в эту любовь.

Восхищалась Казариным и с каждым днем все глубже и глубже тонула в своем очаровывании этим мужчиной. Ее поражала его работоспособность, вызывая неподдельное уважение, добавляясь еще одним плюсом к практически уже идеальному портрету его личности, сложившемуся у Нади в уме. Он мог работать по шестнадцать-двадцать часов в сутки, а после успевал на всяческие светские мероприятия, в клубы, тусовки и – ра-зу-ме-ет-ся! – женщины!

Женщин вокруг него было много. Очень много. Море! Постоянно! За последние годы журналисты «женили» Даниила не меньше раз двадцати на самых известных женщинах бомонда, даже на одной актрисе, которая была старше его лет на тридцать. Он никогда ничего не опровергал, лишь посмеивался – ну, застукали его журналюги за жарким поцелуем или в недвусмысленной ситуации, ну и ладно – и шел себе дальше уже с другой женщиной.

Тридцать первого числа, утром, Надюшка принесла на работу очередную пачку переведенных документов. Никто уже и не работал, все собрались вокруг фуршетного стола с бокалами шампанского поздравить друг друга, получить подарки и поздравления от начальства. Надю сразу же принялась опекать, угощать-кормить Ольга Павловна. И тут к коллективу вышли Казарин с Дружининым.

Даниил Антонович двинул поздравительную речь, вручил всем небольшую внеплановую премию и пожелал хорошего отдыха. А закончив, подозвал к себе Надежду и напомнил, что третьего января они с ней вылетают в Китай и, пока вся страна Россия отдыхает и экспериментирует с выносливостью своей печени десять дней кряду, им предстоит работать.

Билет на самолет и загранпаспорт с визой Ольга Петровна отдала Наде еще на прошлой неделе вместе с расписанием проведения деловых встреч и мероприятий в Китае, искренне посочувствовав такой несправедливости – все отдыхают, празднуют и веселятся, а им работать.

– У меня день рождения третьего, – вздохнула печально Надюха.

– Я помню, – кивнул Казарин и небрежно пообещал: – Вот там и отметим.

И вручил ей сдельную плату за проделанную уже работу и очень-очень солидную премию. Она даже решила, что начальник перепутал что-то.

– Даниил Антонович, здесь что-то неправильно, – поспешила сообщить ему об ошибке Надя.

– Что неправильно? – своей коронной убойной улыбочкой поинтересовался он.

– Здесь очень много, – шепотом сообщила девушка, придвинувшись к нему чуть поближе, чтобы никто не услышал.

– Это компенсация за нанесенную вам травму и благодарность за сверхурочную качественную работу, – тоже заговорщицким шепотом сообщил Казарин. – Главное, за весьма своевременную работу, – и, наклонившись еще ближе, тем же шепотом добавил: – С Новым годом!

Посмотрел на нее насмешливо и ушел. Вот так. А она стояла, как загипнотизированный кролик, и смотрела ему в спину.

– Даже не вздумай! – услышала Надюшка строгий голос Ольги Павловны у себя за плечом.

– Что? – повернулась к ней Надя.

– Влюбляться в него! – сдвинув недовольно брови, пояснила Ольга Павловна. – Ни влюбляться, ни увлекаться им! Ни придумывать себе никаких надежд и ожиданий!

«Поздно», – тут же подумала про себя Надюха и, улыбнувшись, спросила:

– Почему?

– По-очевидному! – отрезала Ольга Павловна, жестко ухватила девушку за локоть, отвела в сторонку от празднующих сослуживцев и принялась строго наставлять: – Потому что Казарин – это погибель всех женщин. Они его интересуют только в одном качестве – для разнообразия в его постели. Никто и никогда не сможет удержать Казарина, как бы женщине ни казалось,

что именно с ней он изменится и вот именно ее вдруг он полюбил по-настоящему. Имя таким заблудшим – «легион». Казарин ведет себя с каждой женщиной как с единственной, необыкновенной и исключительной, врубая все свое обаяние, это у него как зубы почистить – естественное состояние. Как бирюльками любуется, не более того. А потом расстается без сожалений – все, «до свидания», отрезает. Правда, прощается красиво, но от этого не менее жестоко, больно, а часто разрушительно для женщин.

– Прямо со всеми? – улыбнулась такой серьезности Надюшка.

– Ну, надо отдать должное, наивным дурочкам он голову не морочит, обходится дамами своего круга, все понимающими и расчетливыми.

– Ну вот, – наигранно «порадовалась» Надюха, – значит, мне ничего не грозит.

– Ребенок! – призвала ее к серьезности Ольга Павловна. – Даже не смотри лишний раз в его сторону! И на Казарина может возникнуть проруха, когда ты своими глазищами вот так сверкать примешься. Сжует тебя, как тортинку на завтрак, и не заметит. Потом сердце по кускам не соберешь. Поняла?

– Поняла-поняла! – усердно кивнула Надежда.

Но предупреждение Ольги Павловны сильно запоздало и было уже бесполезным. Надя безнадежно погрузилась во влюбленность к этому мужчине, и все ее мысли были только о Казарине.

Она ехала на проходящем поезде в районный центр, где встречал ее на машине Максим Кузьмич, чтобы отвезти домой, и всю дорогу смотрела в окно на сменяющиеся пейзажи и думала только о нем – о Казарине, чувствуя, как замирает и холодит на сердце от этих мыслей.

Максим Кузьмич снял ее с подножки поезда, прямо вместе с сумкой в руках так и обнял, прижал к себе и долго держал, не опуская на землю.

– Соскучился ужасно по тебе! – объявил он, не выпуская внучку из объятий.

– Я тоже, па, ужасно-ужасно, – рассмеялась Наденька и расцеловала его в обе щеки.

– Ну, поехали, поехали, – заторопился дед, поставил ее на платформу и забрал сумку. – Пока еще доберемся, а уж Новый год скоро.

– Точно, надо же еще приготовить-накрыть, – заспешила вслед за ним внучка.

– Тут такое дело… – замялся вдруг Максим Кузьмич.

– Что-то случилось? – перепугалась сразу же Надюха.

– Да нет-нет, что ты, – поспешил успокоить он и как-то смутился-стушевался. – Просто хотел предупредить сразу, что Новый год мы будем встречать втроем. Еще один человек с нами.

– Па-а-а, – протянула, поразившись, Надя. – У тебя женщина, что ли, образовалась?

– Ну вот, образовалась, – покаянно вздохнул и развел руками он.

– Так это же здорово! – обрадовалась внучка.

– Считаешь? – с надеждой спросил Максим Кузьмич и предупредил: – Важно, как вы с ней поладите.

– Я постараюсь, па, – торжественно пообещала Надя.

Вот так и получилось, что посидеть посекретничать Надежде с дедом не удалось. Сначала состоялось торопливое и несколько нервное знакомство с визави деда – приятной женщиной где-то в районе сорока, стройной, симпатичной, с умными и веселыми глазами.

– Рива Олеговна, – представилась она и сразу пояснила: – Ривой назвали меня родители в честь какой-то дальней родственницы отца, прожившей больше ста лет в полном здравии, благополучии и счастье.

– И что, вас единственную из родни назвали в ее честь? – искренне заинтересовалась Надя.

– Да, – кивнула женщина.

– Тогда я бы засомневалась в этой легенде и предположила нечто более романтическое в решении ваших родителей дать вам такое имя.

– Если честно, – рассмеялась Рива Олеговна, – я тоже всю жизнь подозреваю здесь совсем иную подоплеку, но они не признаются, лишь загадочно переглядываются и улыбаются. А имя мое мне нравится.

Все! Надюшка сразу же приняла женщину и расположилась к ней душой. Пока они втроем с шутками и смехом, весело, на подъеме предпраздничном накрывали на стол, заканчивая последние приготовления, Надя только укрепилась в своей симпатии к новой знакомой.

Да вот только, как бы ни была она симпатична Наде…

Дед никогда не приводил в их дом женщин, видимо, решив оберегать ребенка от таких волнений, и никогда не знакомил Надю ни с одной дамой. Наденька знать не знала, есть ли у него вообще романы или какие-то отношения с женщинами. Честно говоря, даже и не задумывалась об этом раньше.

А ведь, когда они стали жить вместе, деду исполнилось всего сорок четыре года и он был очень интересным мужчиной. Подтянутый, стройный, моложавый, без вредных привычек и внешне привлекательный, к тому же дед всегда хорошо зарабатывал – вот умел, имелось у него такое качество характера и деловая хватка, всегда, в любые времена работал очень много и был при деньгах. Разумеется, он пользовался большим спросом у противоположного пола, а как иначе, но как и где он встречается с дамами и проводит время, Надя никогда не знала.

Максим Кузьмич всегда нанимал помощницу по хозяйству, которая вела не только дом, но и занималась Надюшкой – водила в садик-школу, встречала, кормила, следила за расписанием и уроками. Но неизменно каждый вечер и ночь дед проводил дома с внучкой, порой возвращаясь совсем поздно, и обязательно целовал ее на ночь, даже если надо было ради этого разбудить ребенка.

Эта традиция образовалась у них сразу, с первых дней, когда внучка переселилась к нему и несколько ночей подряд просыпалась в слезах от испуга. Дед прибегал, хватал ее на руки, успокаивал, а она спрашивала, глядя на него перепуганными глазищами:

– Ты меня не бросишь? Я для тебя не плохая девочка? Нужная?

– Никогда не брошу, всегда буду с тобой, – клятвенно обещал дед и уверял: – Ты для меня самая лучшая девочка на свете и самая, самая нужная.

И обязательно, каждую ночь стал целовать Наденьку на ночь, чтобы она знала, что он рядом, дома и никуда не денется. И возил ее с собой во все командировки и отпуска, игнорируя занятия в школе, и никогда с ней не расставался.

Видимо, дед не посвящал внучку в свои отношения с женщинами, чтобы она не подумала, что стала ему не так важна. Они никогда об этом не говорили.

А тут вот – Рива Олеговна.

Сидя за праздничным столом, дед с Ривой Олеговной рассказали Наде, как познакомились, поглядывая многозначительно друг на друга, гармонично переплетая слова – один начинал, второй подхватывал, словно знали друг друга всю жизнь и провели много лет вместе.

Рива Олеговна работала заместителем районного главы администрации и курировала сельское хозяйство всего района. По этим самым вопросам и обратился к ней новоприбывший агропромышленник Дронов. Через полчаса делового разговора в ее кабинете они поняли, что лучше продолжить общение на нейтральной полосе, скажем, за чашкой кофе. И проговорили, уже в кафе, несколько часов подряд, не замечая времени, так что пришлось Максиму Кузьмичу остаться ночевать в гостинице, чтобы не ехать совсем уж ночью назад в село. А утром они снова встретились… В село поехали вдвоем в выходные.

Вот так. Чудно и красиво.

– И… – осторожно расспрашивала Надя, – вы будете вот так друг к другу в гости ездить по праздникам и выходным?

– Я сделал Риве Олеговне предложение, – посмотрел прямо в глаза женщине Максим Кузьмич, – и она его приняла. – Он перевел взгляд на Надю и повинился немного: – Прости, что не предупредил. Не обсудил это с тобой.

– Да ничего, – уверила внучка, но почувствовала такой острый укол ревности, что пришлось передохнуть. – Но теперь все у нас поменяется.

– Не все, – твердо заявил дед. – У нас все по-прежнему: любовь, полное доверие и дружба.

– А можно, я с вами тоже буду дружить? – спросила Рива Олеговна, улыбнувшись.

– Можно! – рассмеялась Наденька, заталкивая поглубже горький слезный ком в горле, и спросила: – И что, Рива, вы вот так бросите город, высокую чиновничью должность и сюда переберетесь?

– За Максимом Кузьмичом, – посмотрела женщина в глаза деду, словно клятву давала, – я хоть на ферму, хоть на край света, хоть к черту на рога переберусь.

– Ничего себе, – подивилась Надя.

Но эти двое ее уже не слышали, смотрели в глаза друг другу, обмениваясь чем-то большим, чем слова, понятным только им.

Вот еще и поэтому не получилось у Надюхи признаться деду в своей влюбленности, рассказать про Казарина, повосторгаться этим мужчиной, поделиться самым важным, горячим, происходившим в ее жизни. Потому что, как она ни старалась быть разумной и объективной, но все же пришлось пережить и болезненную ревность, и обиду, хоть и малую, но все же обиду на такую неожиданную перемену в жизни деда, в которую вошла-ворвалась другая женщина, ставшая теперь для него, как казалось Надюхе, гораздо более важной, чем она. Да почему казалось? Так и есть!

Максим Кузьмич мучения внучки просек в момент и позвал пройтись вдвоем по поселку утречком первого января. Пошли. И долго молча шагали до дальнего леса, остановились на пригорке, откуда открывался сказочный вид

на заснеженную округу. Стояли. Смотрели.

– Трудно тебе ее принять? – спросил обеспокоенно Максим Кузьмич.

– Не ее, – помолчав-подумав, ответила Надя. – Она мне понравилась. Она хороший человек. Только такое чувство, будто меня подвинули и теперь уже не я самая главная в твоей жизни и уже не так много для тебя значу. Почему-то обидно и даже больно, и плакать хочется, – всхлипнула она по-детски, не удержавшись в конце от признания.

– Я понимаю, – вздохнул глубоко дед. – Я бы так же себя чувствовал, если бы ты, например, привезла вчера с собой парня какого-нибудь неожиданно и объявила, что у вас любовь и вы женитесь. И вроде как я уже и ненужный. Так, да?

– Наверное, – кивнула она.

– И что, я бы стал тебе ненужный, если бы парень образовался? – усмехнулся дед грустно.

– Па, да ты что? – поразилась Надя такому предположению. – Я ж без тебя никуда! – И повторила: – Как же это я без тебя, ты что?

– Вот и я без тебя никуда, Нюшенька, – еще разок вздохнул он, обнял ее одной рукой за плечи, прижал к себе и поцеловал в голову. – Ты же моя деточка и всегда ею останешься. А страшно и обидно тебе потому, что ты привыкла, что я – неизменная величина в твоей жизни и что ты у меня самая-самая главная. Так ничего и не изменилось: ты самая главная. А Риву я полюбил и точно знаю, что будет она тебе как мать, насколько возможно стать матерью для взрослой девушки. Иначе бы вряд ли полюбил и с тобой не стал бы знакомить. Только хочу тебе сказать, в твоем случае все иначе.

– В каком смысле? – не поняла Надя, украдкой смахнув с щеки предательскую слезинку.

– В том смысле, что, когда женщина любит и выходит замуж, она создает свою семью и уходит от родителей. И тогда уже муж становится для нее самым главным человеком на земле и дети за ним, а уж только потом где-то там

родители. Реальность жизни.

– Ну я же от тебя не уйду? – не утвердила, а вроде как попросила заверения Наденька.

– Уйдешь, – вздохнул нерадостно дед. – Обязательно когда-нибудь уйдешь. Видишь, ты уже не со мной живешь, а самостоятельно в Москве. А влюбишься, так и вовсе забудешь лишний раз позвонить.

И тут Надюхе стало стыдно. Даже щеки покраснели, как стыдно! Она на самом деле за последние дни деду практически не звонила. А раньше-то каждый день да по нескольку раз, просто болтала, делилась новостями. Можно было бы отговориться безумной занятостью, но никогда раньше занятость не мешала Наде поговорить с Максимом Кузьмичом. А тут все Казарин затмил своей личностью.

Вообще все! Вот так.

И не поделилась Надя своим первым в жизни сильным увлечением, и не сказала, что влюбилась-зажглась мужчиной. Похвасталась заработком и премией полученной, много говорила о новой работе, сообщила, что третьего улетает в Китай на несколько дней в командировку. Максим Кузьмич ужасно расстроился:

– А я надеялся, что твой день рождения все вместе отметим. Мы с Ривой целый план мероприятий праздничных составили.

– Ничего, я вернусь, и мы все наверстаем! – бодро пообещала Надюшка.

Праздник они все равно здорово отметили, но дед ворчал все три дня:

– Совсем мне не нравится, что ты работать пошла. Совершенно это незачем. Я прекрасно справляюсь, и нужды в деньгах мы не испытываем, а тебе учиться надо, первый год самый сложный, а ты себя еще какой-то работой непомерной перегружаешь. – И распорядился: – Давай-ка прекращай это.

Но и его недовольство и ворчание уже запоздало, как и предупреждение Ольги Павловны – все было поздно.

Они договорились встретиться в аэропорту, куда каждый добирался самостоятельно. Надюшка стояла в условленном месте и все вытягивала шею, высматривая Даниила, ужасно волновалась и поглядывала в зеркальную поверхность затемненного стекла стены здания – хорошо ли выглядит. Когда увидела его, замахала рукой, чувствуя, как заколотилось-зашлось сердце и кровь прилила к щекам.

Казарин подошел неспешной походкой уверенного в себе человека, которому принадлежит весь мир, сияя своей убойной улыбочкой.

– Здравствуйте, Наденька, – поприветствовал он. – С Новым годом. С новым счастьем.

– Да, – подтвердила она серьезно, глядя ему в глаза, – со всем новым.

Она смотрела на Казарина и тонула, как в зыбучих песках, пропадая безысходно. От него пахло тонким дорогим мужским парфюмом.

– Ну что, пойдемте, – распорядился Даниил и пояснил: – Нам в VIP-зал. Мы летим бизнес-классом.

И, согнув в локте, предложил Наде руку.

С момента, когда они устроились в невероятно удобных, мягких креслах бизнес-класса, и до самого приземления Наденька Петрова совершенно потерялась во времени и пространстве и заметить не успела, как они долетели, и ужасно расстроилась, что долетели так быстро!

Она пропала, растворилась в их разговорах, в близости этого мужчины, в окутавшей, словно накрывшей ее облаком, его сильнейшей мужской привлекательности и сексуальности. Надя чувствовала себя невесомой, с ней происходило что-то прекрасное, волшебное – сердце то стучало, то пропускало удары, а внутри что-то сжималось, замирая, и распускалось прекрасным пионом

от модуляций его голоса, от многозначительного взгляда его глаз цвета молочного шоколада.

И она неслась в неизвестность, добровольно пропадая…

Казарин заказал у стюардессы шампанское и, приподняв свой бокал, произнес такими эротическими тонами и вибрациями голоса, что у Надюшки мурашки побежали по позвоночнику и кровь прилила к щекам:

– С Новым годом, Наденька, еще раз. И с днем рождения вас. Но мы отметим его позже, вечером, когда прилетим.

– Спасибо, – еле пролепетала она, утонув в этом обещающем все тайны мира взгляде.

– Скажите, Надюша, вы были в этой части Китая, куда мы летим? – отпив шампанского, спросил Казарин.

– Да, несколько раз, – перевела она дыхание и принялась с удовольствием рассказывать: – Это непростое место. Впрочем, в Китае все места уникальные. Вы знаете, я посмотрела по карте, где собираются производить строительство, в финансировании которого вы участвуете.

– И что? – по-настоящему заинтересованно спросил он.

– А то, что это очень подходящий район для малоэтажного элитного жилья, – оживилась Надя. – Дело в том, что в Китае, невзирая на то что он считается социалистическим-коммунистическим, существуют своя иерархия и социальные касты, принадлежность к которым очень четко отслеживается. К тому же у них сейчас и рыночные отношения признаны, и свои миллионеры существуют. Так вот, те люди, которые относятся, скажем так, к высшему звену, никогда не поселятся в некоторых местах Китая. Район, куда мы направляемся, считается как раз очень престижным. Во-первых, здесь удивительной красоты природа, горы, а во-вторых, воздух и экология.

– В каком смысле воздух? – уточнил Казарин.

– Вы вообще бывали в Китае? – спросила Надя, улыбнувшись.

– Нет, первый раз.

– А, тогда понятно, – кивнула она и пояснила: – Когда вы попадете в Пекин, например, вас поразит, что там везде пахнет. Такой специфический запах на улицах, и кажется, что от него трудно дышать. К тому же у них теплоэлектростанции топятся углем, а в воздух иногда попадают мелкая угольная взвесь и гарь. Такое же положение во всех крупных городах, да и там, где большие сельскохозяйственные предприятия, ситуация не лучше. Китайцы часто говорят, что мы, русские, не ценим то, чем владеем, – чистый воздух. Думаю, что многие обеспеченные китайцы захотели бы приобрести дом в том поселении, которое вы собираетесь строить.

Казарин задавал ей вопросы про Китай и с интересом слушал объяснения, а потом они незаметно перешли к другим темам и поговорили о новом нашумевшем фильме, о скандальной книге, вышедшей на днях. А когда объявили о посадке, снова принялись обсуждать программу поездки, что намечено сделать, что посетить.

Их встречал один из главных китайских партнеров Казарина, приехавший с переводчиком. Московских гостей посадили в лимузин и повезли в гостиницу. Надежда в сопровождении портье отправилась в свой номер, а Казарин остался о чем-то разговаривать с партнерами в холле. Надя еще подивилась, почему он ее отослал, вроде она его официальный переводчик. Но он начальник, ему видней.

А через минут сорок Даниил постучался к ней в номер и с порога, как только она открыла, распорядился:

– Собирайтесь, мы идем отмечать ваш день рождения.

И он повел ее в дорогой, роскошный ресторан, в котором, как только они вошли, их проводили за единственный свободный столик. Надя сильно удивилась и не удержалась от любопытства:

– Они нас что, ждали?

– Да, я попросил господина Чжана заказать для нас столик в лучшем ресторане еще до прилета сюда. Кстати, он прекрасно говорит на английском, так, что трудностей с общением у нас не возникло.

– Тогда зачем вам я? – недоумевала Надя.

– Потому что общаться и работать нам придется не только с ним, а с очень многими людьми. К тому же этот визит официальный, – довольно прохладно пояснил Казарин, устав, видимо, от обсуждения деловых вопросов, и совсем иным тоном спросил, раскрывая меню: – Ну-с, и что вы посоветуете взять?

– Смотря что вы предпочитаете, как видите, здесь есть и европейская кухня, – изучала меню Надя.

– Нет уж, – отказался Казарин. – Раз мы приехали в Китай, то будем есть исключительно китайскую еду.

– Это очень широкое понятие, – усмехнулась Наденька и поинтересовалась: – Вы умеете есть палочками?

– Не так хорошо, как коренные жители, но, надеюсь, что довольно сносно ими управляюсь.

Они обсудили меню, Надя поясняла Казарину, что представляют собой предлагаемые блюда, выбрали, заказали. И для Надюшки началось волшебство…

Они ели, смеялись, разговаривали о любимых книгах, фильмах, актерах, он рассказывал всякие курьезные истории из светской жизни известных людей, которых знал лично… Ужин пролетел мгновенно, как одно горячее дыхание, а потом они пошли гулять, заходили в небольшие магазинчики и солидные старинные торговые лавки. Казарин покупал и дарил Наде всякие подарки: прекрасный китайский расшитый веер, великолепную серебряную брошку в виде пантеры с глазами из желтого топаза…

– Она очень на вас похожа, такие же загадочные глаза, – сказал Даниил Антонович, вручая девушке брошь, и спросил, переходя на колдовской низкий тембр своего голоса, почти шепотом: – Вам говорили, что у вас удивительные

глаза. Необыкновенные, колдовские.

– «Божественный правый в детстве косил», как ответила Барбара Стрейзанд в одном старом классическом фильме, – смеялась счастливо Наденька, погружаясь в его взгляд.

…китайский национальный костюм из шелка – брючки и куртка с косой застежкой, маленький букетик цветов, милую расписную шкатулку.
Она отказывалась, отнекивалась, но Казарин отметал все возражения безапелляционным тоном, вручал ей подарки и вел дальше. Задавал много вопросов о том, что видел по пути – о строениях, о местных особенностях и традициях. А Наденька рассказывала, шутила, смеялась над его попытками повторять китайские слова – и таяла, таяла в этом вечере, в том, как Даниил смотрел на нее, в том, что говорил и обещал его взгляд…

В таком парении душевном Казарин и довел ее до гостиницы, проводил до номера, подержал все многочисленные пакеты с покупками, пока Надя отпирала дверь, передал их назад ей в руки, а потом… медленно наклонился и нежно поцеловал в краешек губ.

– С днем рождения, – прошептал мужчина, провел, еле касаясь пальцами руки, по ее щеке, развернулся и пошел по коридору.

– Спасибо! – крикнула Надя ему вслед.

Не оборачиваясь, продолжая двигаться своей удивительной – гибкой, расслабленной, органичной, как у кошки, походкой, он поднял руку и помахал.

А утром следующего дня началась ударная вахта. За завтраком Казарин был уже совсем другим человеком – ни мягкости, ни эротичности в голосе, никакого тепла и обещания в шоколадных глазах. Он просматривал бумаги холодно, четко задавал вопросы, поторапливал. И завертелось – встречи, переговоры, совместный с партнерами и участниками совещания обед, выезд на объекты, снова небольшое совещание. К вечеру Надя уже не понимала, кто говорит, а кто спрашивает, и переводила все подряд без пауз и передышки, как пулемет. Совсем осатанела, даже горло охрипло.

– Все! – строго распорядился Казарин, опускаясь рядом с ней на заднее сиденье машины, которую предоставили им в распоряжение вместе с водителем китайские бизнесмены. – Едем ужинать. Вам надо отдохнуть.

Она даже спорить не стала. Да и вообще уже говорить не хотелось даже с ним. Но, увидев, что они вновь приехали к тому же дорогому ресторану, покрутила отрицательно головой.

– Что? – спросил недовольно Казарин, уже собираясь выходить.

– Я понимаю, что вы питаете пристрастие ко всему самому шикарному и роскошному, и luxury – это стиль и образ вашей жизни. Но я чертовски устала и намерена действительно вкусно и классно поесть, расслабиться душевно и отдохнуть, – решительно заявила Наденька.

– И чем не подходит этот ресторан? – приподняв одну бровь, усмехнулся Казарин.

– Помпезностью, пафосностью и искусственностью. Нет, тут клево готовят, не спорю, и обстановка, антураж шикарные, только это как русский домашний борщ в дизайнерском стакане, в крутом ресторанном исполнении. А я, знаете ли, предпочитаю настоящую еду и настоящую жизнь, – немного рисуясь, с видом эдакого знатока объясняла Надюха и вдруг задорно спросила: – Хотите со мной, я приглашаю?

– Ну, еще бы, – усмехнулся Казарин, – ни за что бы такое не пропустил. Ну-с, и куда вы меня поведете?

– Сейчас узнаем, – пообещала она и принялась расспрашивать водителя по-китайски.

Небольшое заведеньице на окраине города, куда их привез водитель, вызвало у Казарина откровенные сомнения затрапезным, зачуханным видом, неказистыми столами-стульями. Посетители – явно простые работяги. Да и сам райончик, где располагалось заведение, настораживал.

– Не бойтесь, – придвинувшись к Казарину, весело прошептала ему на ухо Надя. – Я сумею вас защитить, даже ваш «Ролекс» не пострадает.

– Обнадеживает, – усмехнулся он и поинтересовался с явным сомнением, обведя вокруг рукой: – У вас вот такое представление о настоящей жизни?

– Сейчас поймете, – пообещала Надюшка и принялась бодро разговаривать с подошедшим к ним невысоким, улыбчивым официантом.

Через пять минут их оживленного разговора посетители, до этого внимательно прислушивающиеся к этой беседе, настороженные с момента появления двоих русских, загомонили, разулыбались, принялись о чем-то оживленно переговариваться. Официант расплылся в довольной улыбке, покивал и быстро-быстро удалился, почти убежал.

– Что вы ему такого сказали, что все прямо возбудились? – заинтересовался Казарин.

– Я объяснила, что вы – именно тот человек, от которого зависит, будут строить поселки или нет. И поделилась по секрету, что вроде как пока вам все нравится и переговоры идут хорошо. А сюда мы пришли, потому что такому важному господину хотелось бы лучше узнать их город и их страну и, конечно, попробовать настоящую китайскую еду, – хитро улыбалась Надя.

– Понимаю, – усмехнулся Даниил Антонович, – почти градообразующая стройка века.

– Верно, – призналась девушка. – По крайней мере многие из тех, кто здесь сидит, будут работать именно там. Да и для людей города и региона это очень важный проект. Кстати, я заказала кучу всякой еды, – предупредила она весело, – мы здесь надолго, располагайтесь поудобней, Даниил Антонович, – пообещала: – Вам понравится.

Ему понравилось. Это точно.

Еда оказалась на самом деле потрясная. Он ничего подобного не пробовал в жизни, хотя кое-что из предложенного меню несколько насторожило и как-то

так удивило, скажем. Но Даниил пробовал и не собирался отказываться. А потом Надюшка повела его пройтись, невзирая на то что ощутимо похолодало, и все рассказывала что-то про местный колорит и традиции, пока не осипла окончательно. И Казарин подозвал водителя медленно ехавшей за ними машины.

Так у них и повелось в этой поездке – день, переполненный встречами, переговорами, работой с документами, переездами в другие города и новыми встречами, а вечерами Надюшка вела Казарина смотреть город.

Не стесняясь, открыто и приветливо расспрашивала местных жителей и находила разные кафе и ресторанчики, в которых подавали действительно настоящую китайскую еду. Они с удовольствием пробовали что-то новое и общались. Так как к вечеру Надюха уже не могла говорить, в основном эту функцию брал на себя Казарин, рассказывая что-то интересное, с юмором, шутками. По возвращении в гостиницу он умудрялся еще и полночи работать с документами, а Надя отключалась напрочь, стоило головой коснуться подушки, и, восхищаясь безмерно, не могла понять, откуда у начальника такая работоспособность.

Заканчивалась их командировка в Пекине. Собственно, надобности ехать в столицу не было – уже все дела решены и согласованы, документы подписаны, но Казарин решил, раз уж он прилетел в Китай, то надо осмотреть и столицу. Один из партнеров вызвался их сопровождать и лично показать все достопримечательности Пекина.

В общем, вышло практически официально. Это сильно напрягло Казарина и ужасно его раздражало, и в какой-то момент он предложил Надюхе сбежать, а она горячо поддержала такую инициативу. Как дети, они сделали вид, что разминулись с китайским другом и якобы потерялись, а потом хохотали с удовольствием.

И повторилось как в день рождения Нади – они бродили по городу, заходили в заинтересовавшие их лавочки, магазинчики, кафе, что-то пробовали с лотков уличной торговли, покупали сувениры и безделушки, Казарин снова умудрился надарить девушке кучу всяких вещичек, не слушая возражений и скромных отнекиваний.

И весь этот потрясающий день – вот весь день! – он так смотрел на нее! Так смотрел на нее своим шоколадным взглядом – обволакивая, затягивая во что-то неведомое, жаркое, обещающее… И придерживал за талию рукой, когда они шли по улице, и поправлял ей волосы, еле дотрагиваясь как бы случайно кончиками пальцев до ее шеи и подбородка, отчего Надю окатывало горячей волной от макушки к пяткам, и, понижая голос до шепота, что-то говорил так сексуально, что у нее ноги подкашивались…

А Казарин все повторял, какая Наденька удивительная, необыкновенная девушка…

Она просто растворялась в нем, теряя себя, пропадая в этом невысказанном, но таком явном признании, обещании… И ждала какого-то продолжения.

Нет. Продолжения не последовало. Даниил проводил ее до гостиничного номера, поцеловал в щеку, поблагодарил за прекрасный, незабываемый день и ушел, ничего более не сказав.

Утром они улетали. Казарин практически сразу, еще до взлета, уснул, а проснувшись, извинился сухо, сказал, что ему нужно поработать, и погрузился в изучение бумаг, изредка обращаясь к Наде за уточнением деталей перевода. И Надюшка мучилась этой его занятостью, за которой растворилась возникшая за эти дни их особая близость и ожидание яркого, сильного продолжения.

Нет. Ничего. Ни обещания, ни продолжения. Он посадил Надю в вызванное по телефону такси, заплатил водителю, напомнил, что до пятнадцатого числа она свободна, и попрощался. Вот и все.

Нет, представляете – вот и все!

Но ведь что-то было, было между ними! – говорила себе Наденька всю дорогу. Они оба чувствовали это! Казарин смотрел на нее, так говорил, касался! Почему сейчас холодно попрощался, почему?! Может, она что-то сделала не то или сказала?!

Нет-нет! Крутила Надя головой, глядя в боковое окно машины, полностью погрузившись в свои мысли, – ничего она такого не сделала и не сказала – что-то другое здесь, что-то другое.

По-хорошему ей следовало завтра же уехать к Максиму Кузьмичу и провести оставшиеся празднично-выходные дни с ним. Но Надя только позвонила деду, сообщив, что благополучно добралась домой, и полдня после прилета промаялась, бродя по квартире. Не пошла за билетом на поезд, не разобрала вещи, даже не готовила себе ничего, жевала печенюшки с чаем, сделала пару бутербродов и валялась у телевизора, не понимая и не слушая, что там идет, погрузившись в мысли о Казарине и в воспоминания о днях в Китае. И не могла заснуть полночи – только закрывала глаза и видела перед собой лицо Даниила и эту его кривую улыбочку и слышала, как он произносит одуряющим шепотом, какая она необыкновенная…

На следующий день Наденька тоже никуда не поехала.

Трусливо уговаривая себя, что ей надо бы отдохнуть денек и что поедет завтра. Бодрилась деловым намерением: отдохну, постираю вещи, соберусь, куплю продукты и приготовлю что-нибудь – и хвалила себя за такие продуктивные решения – правильно! Надо же отдохнуть и с делами разобраться! И снова промаялась целый день, не зная, куда девать себя от тоски, вопросов и глухой апатии, чувствуя внутри звенящую пустоту.

А ночью Казарин позвонил.

– Хотите в настоящую русскую зиму с санками и лыжами? – спросил он, проигнорировав приветствие, когда Надя сонно пролепетала «алло».

Надюха сразу же проснулась от его голоса, села резко на кровати и, не раздумывая ни секунды, ответила:

– Хочу.

– В восемь утра будьте на вашей автобусной остановке. И приготовьтесь: мероприятие на три дня, – распорядился он и отключился.

Надя посмотрела на телефон, откинула голову на подушку и громко заявила миру, счастливо улыбаясь:

– Да! Все да!

Ей все-таки удалось хоть отчасти справиться с разбушевавшимися эмоциями и поспать несколько часов, но готовиться к выезду Надюха начала где-то в полшестого утра. Она устала от старания и нелегких решений – во что одеться и что взять с собой, но как-то все-таки собралась. Не забыла деду позвонить и сообщить, что едет с коллегами за город. Ну, по сути, правда же? Или начальник коллегой не считается?

Да и тьфу со всем этим – не до того, не до того! Ведь ура!

Надя стояла у самого края тротуара, выглядывала знакомую машину, а когда рядом затормозил большой серебристый джип, даже не обратила на него внимания, продолжая всматриваться в дорогу.

– Надя, – позвал Казарин, открыв окно пассажирской дверцы.

– Но у вас же другая машина? – растерянно спросила она, наклонившись к окну.

– И другая тоже, – усмехнулся он и распорядился: – Садитесь.

– Здрасте! – засияла ему улыбкой Наденька, усевшись в машину.

– И вам, – посмеивался Даниил и спросил: – Ну что, поехали?

– Конечно! – светилась Надежда от счастья.

– И вы даже не спросите куда? – приподнял удивленно брови Казарин, продолжая посмеиваться над ее энтузиазмом.

– Нет. Не спрошу. Вы же сказали: в настоящую русскую зиму.

– Ну, тогда вперед! – хмыкнул Казарин.

Они ехали несколько часов, и Надюшке ужасно хотелось и даже, как в детстве, мечталось красочно – чтобы эта дорога не кончалась совсем! Казарин так классно, практически профессионально вел машину, что не чувствовалось вообще дороги, движения, тихим фоном играла музыка – изысканные блюзовые

композиции, Стинг, фантастическая «Энигма». И они разговаривали о музыке и своих предпочтениях в ней, о театре и любимых актерах, сплетничали о них и восхищались, о любимых книгах, начальник рассказывал какие-то интересные случаи-истории из жизни его знакомых. И так это было замечательно, что Надюшке казалось, она слышит, как тихо поет от счастья ее душа.

Но когда они добрались до места, стало еще прекраснее!

Посреди величественного леса стоял великолепный деревянный, современный двухэтажный дом, заимка – как пояснил Казарин. Когда они въехали в высокие деревянные ворота, Надюха даже ахнула восторженно «открыточной» красоте картинки, раскинувшейся перед глазами. Солидный, такой крепкий, приземистый дом, обступившие его сосны с елками, засыпанные снегом, вековые уж точно сугробы вокруг, посверкивающие льдистыми снежинками на садящемся морозном солнышке, дым, поднимающийся из двух труб…

– Здесь бы Новый год отмечать, как в сказке, – завороженным шепотом поделилась она впечатлениями.

– Вот и отметим, – пообещал Казарин и вдруг заторопился, распорядившись бодрым, веселым тоном: – Но вечером. Сначала разомнемся. Берите свои вещи и бегом за мной!

Мужчина, который их встречал при въезде, уже закрыл ворота и подошел к машине в тот момент, когда они доставали свои вещи из багажника. Он напугал немного Надюху, протянув из-за ее спины руку и перехватив у нее сумку.

– Ой! – пискнула от неожиданности она.

Мужик хохотнул в короткую бороду, крутнул довольно головой и поздоровался с Казариным:

– Здравствуй, Даниил Антонович.

– Привет, Коль, – кивнул тот и усмехнулся: – Ты что мою девушку пугаешь?

– Да так вот получилось, – усмехнулся в ответ мужик по имени Коля.

– Знакомьтесь, это Николай, главный помощник, смотритель, можно сказать, хранитель дома. А это Надежда.

Поздоровались. Мужчины обменялись рукопожатиями, поднялись втроем по широким ступеням на крыльцо и прошли в дом, Казарин продолжал отдавать распоряжения, для начала поинтересовавшись у девушки:

– У вас есть с собой зимняя спортивная экипировка?

– Вы же сказали: лыжи, санки, – кивнула она.

– Вот и отлично. Сейчас я покажу вашу комнату, облачайтесь в спортивное, и поедем разомнемся. А то засиделись в машине.

Он проводил Надю по массивной широкой лестнице на второй этаж, зашел в одну из гостевых, как поняла Надя, комнат, поставил возле большой двухспальной кровати Надину сумку и продолжил руководить:

– Через десять минут жду вас внизу в гостиной. Поторопитесь, скоро день закончится, хоть пару-тройку часов захватим.

Надюха так торопилась, что уложилась в «норматив» даже с опережением графика и спустилась в спортивном лыжном облачении через восемь минут. Казарин был уже в гостиной, одетый в дорогущий стильный лыжный костюм и разговаривал с Колей. Заметив Надю, он хлопнул смотрителя по плечу и двинулся навстречу девушке.

– Ну что, готовы?

– Да, – улыбаясь подтвердила она и наконец поинтересовалась: – Мы на лыжах пойдем?

– На лыжах. Тут хорошая тропа, виды классные. Поднимемся на холмы, – и поторопил: – Идемте, выберем вам ботинки и лыжи.

Это было здорово!

И хоть морозец пощипывал, перевалив за пятнадцать, но они шли ходко, споро, взяв один темп: для Надюхи ничего так, с нагрузочкой, для Казарина прогулочный – он бы и вперед ушел, но сдерживался, было видно, что для него темп низковат.

Надя предложила на прямом участке пойти наперегонки. Безнадежно проиграла, но хохотала, когда Казарин, вырвавшись далеко вперед, встретил ее за поворотом снежками, и сразу же включилась в игру, сбросила лыжи и начала обстреливать его в ответ. Нахохотавшись, наигравшись, они продолжили забег, выехали на холмы, остановились, любуясь открывшейся величественной панорамой леса, уходящего за горизонт, и зажатым между небольшой речушкой и лесом с трех сторон полем. За рекой лежало еще одно поле, тянулся лес, возле него – уже еле видные очертания домов какого-то поселка, над которым поднимались тонкие столбики дыма.

Возвращались они молча в гораздо более резвом темпе, который задал Казарин, объяснив, что немного не рассчитал со временем, так что сейчас начнет темнеть, а к дому они и вовсе в темнотище выйдут. Но ничего страшного, там уже по прямой и колея протоптанная, не заблудятся.

И действительно, быстро как-то подступила темень, и Надя шла за Казариным, чуть подсвеченные снизу деревья и дорога казались в снежном мареве миражом, и было ей бесшабашно и почти счастливо.

Полное, безграничное счастье наступило чуть позже.

Коля их уже высматривал у ворот, специально фонарь зажег, чтобы туристы неугомонные видели ориентир, и даже немного поворчал, что припозднились – опасно в лесу ночью. А они смеялись бесшабашно от возбуждения, удальства и радости, что дошли и уже в доме, в тепле.

А потом был роскошный ужин, который приготовил им Николай из тех продуктов, что привез с собой Казарин – семгу на гриле, запеченные картофель и грибы, овощной салат. Сервировал стол управляющий заимки, пока гости переодевались и приводили себя в порядок, подал ужин, когда спустились в гостиную. Затем, попрощавшись, ушел к себе в домик, стоявший особняком

в конце участка у самого леса.

Надя и Даниил остались вдвоем, и Надюха только сейчас четко осознала, что будет дальше. Почему-то до сих пор она не думала о том, почему Казарин привез ее сюда, и полагала, что, может, еще какие гости приедут, а оказалось…

Он разлил в бокалы вино, поднял свой и предложил формальный тост:

– Ну что, с Новым годом? – сделав особый нажим на слове «новым», обещающе посмотрел на девушку.

– С Новым годом, – с легким нервным придыханием ответила Надюшка, чувствуя разливающийся в теле жар, отозвавшийся румянцем.

Чокнулись, отпили, глядя друг другу в глаза, из бокалов, и Казарин разорвал этот кокон интимных недоговоренностей и намеков банальным вопросом. Мол, знает ли Надя, как празднуют Новый год в Китае, и беседа приняла почти светский тон.

Наверное, было вкусно, но Надюха так нервничала и притом старалась демонстрировать спокойствие и ровность, что практически не чувствовала вкуса еды и не понимала, что вообще ест. А потом Казарин предложил переместиться к камину, прихватив с собой бокалы. Она села на диван, но он покачал головой и скинул пару больших подушек на пол, на пушистый ковер.

– Давайте, здесь посидим, чтобы было уютней разговаривать и смотреть на огонь.

Она кивнула, села рядом с ним, но разговаривать они не стали. Казарин, отпив вина, не отводя взгляда от девушки, отставил бокал на журнальный столик и сказал низким эротичным, обещающим все самое жаркое голосом:

– Сейчас я тебя поцелую, и мы наконец перейдем на «ты».

Он забрал из ее вмиг ставших безвольными пальцев бокал и отставил туда же, на столик.

Но целовать сразу не стал.

Надя смотрела на Казарина и не могла двинуться, словно он наложил на нее заклятье неподвижности, и сердце грохотало в груди громко и часто, внутри что-то сжималось от ожидания и предчувствия, и дышать стало трудно и жарко… Даниил медленно-медленно протянул руку, еле касаясь, провел пальцами по губам Нади, подбородку и вниз по шее, чуть погладил ключицы и так же неспешно, не отводя взгляда от ее глаз, начал расстегивать пуговички на ее блузке.

У Надюхи барабанило сердце, пылали щеки, кожа стала невероятно чувствительной, и маленькие электрические зарядики разлетались от кончиков его пальцев по всему ее телу, а она тонула, тонула в его взгляде. Он расстегнул последнюю пуговку, медленно снял блузку, откинул куда-то в сторону и, поглаживая пальцами грудь над краем лифчика, завел вторую руку Наде за спину и расстегнул застежку. Затем очень медленно, подчеркивая каждое движение, снял с нее бюстгальтер, тоже откинул в сторону и перевел взгляд с ее глаз, в которые смотрел не отрываясь все это время, на ее грудь.

– Очень красивая, – просмаковал он низким, сводящим с ума голосом, – великолепная. Роскошная.

Медленно придвинулся к девушке, накрыл ладонью ее грудь, склонил голову и только теперь, так же подчеркнуто медленно поцеловал. И Надюха по-ле-те-ла! И пропала!

Это было так головокружительно, так отчаянно прекрасно! Она плавилась, растворялась в этом поцелуе под чувственными пальцами Даниила, гладившими, играющими с ее грудью, и уже ничего не соображала. Он передвинул ее поудобней, и Надя не заметила, как оказалась совсем голой, поняла это только, когда Казарин отстранился от нее и стал рассматривать восхищенным и каким-то удивленно-задумчивым взглядом, словно увидел нечто необычайно прекрасное.

– У тебя удивительная фигура, совершенно несовременная, очень женственная, великолепная и кожа необыкновенная, прямо светится, шелковистая, как бархат, – творил волшебство своим голосом Казарин.

А Надя вдруг засмущалась на мгновение – она-то всегда считала себя несколько полноватой, по крайней мере более упитанной, чем все ее подруги. И сейчас эти слова Даниила, то, как он смотрел восхищенным одобрительным мужским взглядом, перевернули что-то в сознании, наполняя Надю женской гордостью и смелостью и какой-то радостью, что она именно такая, какая есть.
И удивительным чувством свободы!

– Ты одет, – шепотом напомнила Надюшка. – Это нечестно.

– Я успею, – пообещал Даниил.

Снова придвинулся, обнял и поцеловал гораздо более настойчивым и горячим поцелуем. И гладил, ласкал, уложив Надю на спину, и она снова провалилась в эти невероятные, дурманящие ощущения, желания и не заметила, как разделся он, лишь увидела на мгновение его прекрасное, гибкое тело, прежде чем он опустился на нее, продолжив свое колдовство руками, губами, жарким шепотом…

И потерялась, растворилась в их объятиях и просила его о чем-то, торопила и громко вскрикнула от неожиданной боли, когда он, наконец, вошел в нее. А он замер, откинул голову, посмотрел, внимательно, вглядываясь ей в лицо.

– Что случилось? – шепотом спросила Надюшка.

– Это я у тебя должен спрашивать, – усмехнулся Казарин.

– Ничего, – удивленно уверила она и повторила: – Ничего.

– Ладно, потом, – что-то непонятное сейчас для нее ответил Даниил и снова поцеловал.

И они понеслись!

Он что-то говорил ей жарким шепотом – слова не имели значения, но тембр его голоса сводил ее с ума, и она отвечала стонами, двигаясь в унисон с его телом, куда-то спешила, звала, просила, совершенно потерявшись в этом мужчине и в том, что дарили они сейчас друг другу…

Потом они лежали неподвижно, и Надюха через плечо Казарина смотрела на догорающие в камине дрова и смаковала по капле свое великое, нереальное счастье. Даниил перекатился на бок, подпер голову рукой, рассматривал Надю долго, внимательно, думал о чем-то, хмурился, а она глядела на его лицо, поражаясь, насколько родным оно стало, словно Надя всю жизнь знала этого мужчину, словно привыкла и миллион раз целовала каждую его некрасивую черточку.

– Почему ты мне не сказала? – вдруг спросил Казарин.

– О чем? – искренне не поняла Надюшка.

– О том, что у тебя еще не было мужчины.

– А, это, – отчего-то смутилась она.

– Это, – негромко рассмеялся он. – Впрочем, не имеет значения, хотя мне, безусловно, приятно. Только я еще ни разу не спал с девственницами и не очень знаю, что с ними делать.

– Тебе и не придется, я ведь уже не девственница, – серьезно заявила девушка.

А Казарин откинулся назад и расхохотался на сей раз уже от души. Лежа на полу, согретые огнем камина, они обнимались, тянули потихоньку вино, смотрели на огонь и почти не разговаривали. В какой-то момент Надюшка начала подремывать, и Казарин, заметив это, подхватил ее на руки и отнес на второй этаж к себе в комнату. Всю ночь они занимались любовью, уснули на рассвете, обессиленные и опустошенные.

Эти почти два дня были полны фантастического, нереального, просто невозможно какого огромного счастья!

Они завтракали на открытом балконе второго этажа, одевшись в спортивные костюмы и укутавшись в пледы. На жаровне, принесенной заботливым Колей, на большущей сковороде медленно поджаривался грубый хлеб из отрубей с таявшим на нем сыром, а рядом яйца, кружочки помидоров и кусочки домашней деревенской колбасы. И они хватали их прямо со сковородки,

перекидывая на тарелки, и ели, обжигаясь, и запивали сладким терпким вином.

– По фиг любые правила, – сказал Казарин, когда Надя заметила, что меньше всего это похоже на завтрак. – Надо всегда стремиться делать то, что тебе нравится, и так, как тебе нравится.

– Загну-у-ул! – смеялась счастливо она.

– Вот так! – уверил ее он. – А ты бы предпочла сейчас овсянку с кофе?

– Я бы предпочла все, что угодно, если это делаешь ты!

– О! – поднял многозначительно палец Даниил. – Будь очень осторожна с такими заявлениями. Я плохой мальчик и могу втянуть тебя в неприятности.

– Это в какие? – вступила в игру девушка Надя, не переставая смеяться, вся переполненная счастьем.

– Сейчас покажу! – пообещал мужчина с самым серьезным видом.

Поставил тарелку с бокалом на стол, он ухватил ее за руку и потянул к себе, Надюшка, посмеиваясь, подчинилась. Даниил усадил ее на колени, спиной к себе, забрал из руки тарелку и тоже отставил на стол. Затем приподнял девушку немного, задрал вверх край пледа, в который она была укутана, и резким движением сдернул с ее попки лыжные брюки вместе с трусишками…

– Ох! – взвизгнула она от неожиданности и восторженно, весело спросила: – Ты что?

А Казарин не ответил, повозился со своими брюками, перехватил Надю посильней за талию и резко, почти грубо насадил на себя. Она пискнула от неожиданности и немного неприятного, болезненного ощущения.

– Вот так! – сказал он ей на ухо шепотом, обдавая жарким дыханием.

– Мороз, – растаявшим голосом напомнила Надюшка, уже подстраиваясь под его ритм, чувствуя жар, заполнивший ее, улетая, – и Коля может застукать.

– Но от этого же только интересней, не правда ли? – искусителем преисподней шептал жарко мужчина ей на ухо.

И распалил так, что она, не удержавшись, закричала на весь морозный двор и солнечное утро и на вершине счастья билась в его руках, пока он успокаивающе поглаживал ее по голому животику…

Днем они поехали в село на снегоходе, прихватив с собой коньки, пара которых нашлась и для Нади у запасливых хозяев, термос с горячим кофе и бутерброды, и катались несколько часов подряд вместе с местными ребятишками на залитом сельском катке, останавливаясь, только чтобы перекусить, выпить горячего кофе и целоваться за жидкими елками под смешки малышни, указывающей на них пальцами.

Вернулись, вместе принимали душ, занимаясь любовью под горячими струями, ужинали при свечах с музыкой, долго неторопливо сидели за столом и разговаривали, поднялись наверх и снова почти не спали всю ночь, пропав в объятиях друг друга…

А утром – относительным утром, в двенадцать пополудни – Даниилу позвонили.

И все изменилось.

– Да, – оторвавшись от долгого, неторопливого утреннего поцелуя, ответил Казарин на звонок.

Послушал, что ему говорят, встал с кровати и ушел разговаривать в ванную комнату, оставив слегка недоумевающую Наденьку наедине со своими мыслями. Но он довольно быстро вернулся и деловым, начальственным тоном сообщил:

– Сейчас позавтракаем, и тебе надо будет ехать.

– Что-то случилось? – встревожилась от этого прохладного тона Надежда.

– Ничего, – принялся одеваться Казарин. – Просто едут хозяева с покупателями, им надо показать дом.

– Разве это не твоя заимка? – удивилась Надюшка.

– Нет. Это дом моих друзей, но я могу пользоваться им в любое время. Они решили его продать, и я взялся помочь им в этом деле. – Уже одевшись, Даниил поторопил ее: – Давай, давай, вставай, пошли завтракать.

На сей раз они завтракали в доме, в кухне. И все как-то резко и непонятно изменилось. Завтракали практически молча – без смеха, шуток и шалопутного секса. Казарин даже не поцеловал Надю после того звонка ни разу, деловито поинтересовался, что она будет есть – и все. А потом объявил, что отвезет Коля ее в город и посадит на проходящий поезд до Москвы.

Надюха пребывала в состоянии какого-то шока.

– Как Коля? – совершенно потерявшись, переспросила она.

– Я же объяснил, что помогаю продавать этот дом, мне надо остаться, – чуть приподняв недовольно бровь, повторил Казарин и добавил: – Ну все, иди собирайся.

Надюшка ничего не понимала и совершенно растерялась от такой резкой перемены его настроения и холодноватого тона, указывающего на определенную дистанцию между ними. Он словно стал другим – сосредоточенным начальником. Но она собралась и спустилась вниз. Казарин молча проводил девушку до машины, в которой уже сидел за рулем Николай.

– Ну все, пока. – И вдруг проявил заботу, достал из кармана брюк деньги и протянул ей. – Не смей ехать на метро, возьми сразу такси на вокзале.

Он коротко чмокнул ее в щечку, распахнул дверцу и, когда Надя села, более требовательным жестом снова протянул ей деньги.

– Не надо, – отодвинула его ладонь с деньгами Надюшка, – я хорошо зарабатываю, у меня есть деньги.

– Я знаю, сколько ты зарабатываешь. Я сам плачу тебе зарплату, если ты не забыла, – отрезал строго Казарин, взял ее ладонь одной рукой, второй

насильно положил в нее деньги и добавил: – Увидимся на работе.

И она уехала.

Потерянная, уязвленная, недоумевающая… Всю дорогу Надюха молчала. Она была до глубины души потрясена мгновенной переменой Казарина, словно в один момент он стал чужим человеком, отстранившись от нее душой и телом. Так и добралась домой в состоянии странной отгороженности от действительности, погрузившись в переживания.

На следующий день пошла в институт – и так пропустила несколько дней учебы, пришлось брать конспекты у одногруппников, чтобы переписать задания. Получилось, что Надя задержалась часа на два и пришла на работу поздненько, когда народ уж расходился по домам.

– О, привет, дорогая! – встретила радостно ее Ольга Павловна. Обняла по-дружески, а потом отстранилась и посмотрела внимательно. – Казарин сказал, что вы отлично отработали командировку. Хвалил тебя.

– А он здесь? – спросила Надюшка, чувствуя, как заколотилось сердце.

– Нет. Уехал. – Ольга Павловна вернулась за свой стол, подняла и протянула девушке увесистую стопку документов. – Велел передать тебе для перевода. Сказал, что это не первой срочности, но к послезавтра бумаги нужны. Выносить нельзя, так, что придется тебе в конторе работать.

Она и работала. Этот вечер. И следующий. Казарина так и не видела.

И замирала постоянно при любом звуке, шорохе, все ждала, что он войдет в комнату. К ней. За ней. Но он не появлялся и не звонил. Надюхе казалось, что у нее разорвется сердце от недоумения, обиды, непонимания!

Что случилось, почему так?!

Она вышла с работы уже после десяти вечера, охранник напутствовал «быть осторожной», девушка ему улыбнулась, махнула рукой на прощание, постояла на крыльце, натягивая перчатки, и медленно двинулась по тротуару в сторону

метро.

Вдруг рядом с ней резко затормозила какая-то машина. От неожиданности Надюха шарахнулась в сторону.

– Садись! – перегнувшись через пассажирское кресло, позвал Казарин в открытое окно.

– Ты меня испугал! – согнувшись, посмотрела на него Надя.

– Садись! – повторил он, подождал пока девушка сядет, захлопнет за собой дверцу, повернется к нему и спросил со всей серьезностью: – Ты готовить умеешь?

– Умею, – пожала плечами недоуменно Надюшка.

– Вот и хорошо, – похвалил он нейтральным тоном и поехал вперед, попутно разъяснив интригу. – Приготовишь нам ужин. А то устал я как собака и голодный. А в ресторан тащиться не хочу.

– Ты три дня не появлялся и не звонил, – обиженно напомнила Наденька.

– Так вот получилось, – ничего не объясняя, ответил Казарин и спросил веселым, бодрым тоном: – Ну так что, кормить-то меня будешь?

Он привез ее к себе и не дал даже осмотреться в квартире, сразу потащил в кухню, раскрыл огромный холодильник, предложил выбирать что угодно, только поскорее что-нибудь приготовить и тут же, забыв захлопнуть дверцу холодильника, поцеловал страстным, сводящим с ума поцелуем, стянул с нее колготы с трусиками, усадил на край стола и взял быстро, несколько грубовато и одуряюще прекрасно…

Ужин Надя приготовила, заставив и Даниила принимать посильное участие в этом процессе. И осталась у него на ночь. Утром, совсем рано, в шесть, еле смогла продрать глаза, услышав тренькающий будильник на телефоне, поцеловала непроснувшегося, проворчавшего нечто непонятное мужчину, кое-как собралась и побежала домой – принять душ, переодеться – и в институт!

Вечером Надюшка летела на работу! И дышалось ей как никогда, и чувствовала она себя такой невесомой, энергичной и улыбалась весь день! И оказалось, что сегодня Казарин на месте и, когда Ольга Павловна доложила ему о Надином приходе, сразу распорядился, чтобы она прошла в кабинет. Надюшка впорхнула в дверь, просто лучась любовью, радостью, счастьем до небес.

– Здравствуйте, Даниил Антонович! – светилась она ему навстречу.

– Здравствуйте, Надя, – холодно ответил Казарин и распорядился: – Садитесь, начнем работать.

И два часа подряд они работали в холодной деловой обстановке, которую Казарин не дал сбить ни полунамеком, не обращая внимания на Надины улыбки и сияние глаз, – четко, требовательно, задав высокий темп. А когда в кабинет постучавшись, заглянула Ольга Павловна предупредить, что уходит, но оставляет им там на столе чай и бутерброды, если проголодаются, Казарин сдержанно поблагодарил, кивнув, не отрываясь при этом от документа, который читал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/tatyana-alyushina/bolshe-chem-strast-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити